

БОРИС
ЛУХТЕНФЕЛЬД

МЕТАЗОЙ

Борис Лихтенфельд

МЕТАЗОЙ

СТИХИ
2002–2010

Юолукка
Санкт-Петербург
2011

Борис Лихтенфельд. Метазой. Стихи. — СПб., Юолукка, 2011. — 152 с.

ISBN 978-5-904699-09-3

© Б. Лихтенфельд
© NL, оформление
© «Юолукка»

I

* * *

Мысль изреченная есть лёд.
Её течение, застывая,
какою, вспомнить не даёт,
была безмолвная, живая,
поскольку речь идёт о том,
что противоположно фразе,
и гложет память, как фантом,
как сновиденье в пересказе.
Не так, не то имел в виду:
здесь что-то вскользь, там просто сдуру...
А речь идёт уже по льду,
переходя в литературу.

2002

* * *

В общей сложности всё так просто, что судорогой сводит
сумма сказанного с ума.

Извлечённая суть бредит-бродит, места себе не находит
в общей сутолоке письма.

В общем, ложная этимология, посторонние корни,
укрошение диких дробей...

Измельчение материала, чтобы тоньше стал и покорней,
своевольнее и грубей.

Сочетания полунамёков, оговорок, ослышек...

Показания сбивчивы и
приведёню в систему противятся, а неизвестных излишек
аргументы приводит свои.

Мать-и-мачеха элементарная, без дедукции... Чёт и нечет...

Жизнь, словами заросшая сплошь...

Преступление-иносказание... Кто ей алиби обеспечит,
если чистое множество — ложь?

2003

* * *

Тот литературный мир
был без направлений, но
был некий ориентир,
мерцавший, когда темно.

А школа была, была! –
хоть вряд ли судить о ней
возможно, минувших дней
оценивая дела.

Науке тайной сродни
труды были те и дни.
Нет прока от прочих школ
тому, кто *эту* прошёл.

Сплетались в один клубок
и дружба в ней, и вражда.
Но след её в нас глубок.
Театру была чужда.

На орден иль монастырь
похожа была скорей.
Нос высунешь из дверей –
пустошный кругом пустырь.

А там – только хлам да глум.
В ушах – только бам да бум...
Но было открыто нам,
что вечность цветёт не там,

где вечны лишь прыть да сныть, –
и благодаришь фартком
за то, что выпало слыть
последним учеником.

Акустику вспомнишь ту
и как чуть-чуть голова
кружилась, когда слова
не падали в пустоту;

окликнешь мысленно всех,
чьи боль, сумасбродство, смех
в душе откликались вмиг,
как правда запретных книг,—

и чувствуешь до сих пор,
какая же благодать
была в тот нестройный хор
свой слабый голос вплетать!

2006

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИТЕЛЯХ ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ

1.

Восьмое октября. Опять земля трясётся.
На сей раз – Пакистан; задета Индия,
готовая, забыв раздор, прийти
на помощь нелюбимому соседу.
И столько жертв, погибли дети в школах...
Картины разрушений на экране
цветного телевизора...

Леон

Богданов зафиксировал бы силу
толчков подземных, а потом число
из-под завалов извлечённых тел.
Давно покинул Землю он, где пил
крепчайший чай – индийского добыча
была важнейшим делом в нищей жизни.
Порой он выгребал из-под завалов
букинистических какую-нибудь редкость...
Теперь все сводки о землетрясениях
о нём напоминают. Я его
однажды только видел, на Фурштатской,
где премию АБ ему вручали.
Сидел он, безучастный, рядом с Эрлем –
два существа вполне инопланетных.
А позже я узнал, что мы с ним жили
буквально по соседству...

Вот смотрю

на эти ужасы и думаю о нём,
о том, что тектонические сдвиги
сакраментальны в некоторых текстах;
из памяти вдруг извлекаю строки,
которыми однажды попытался
определить, что я ценю в стихах –
как будто о другом, а всё о том же:

искры на словостыках,
гул в смысловых сдвигах...

Переключившись на другой размер,
переношусь на миг в другое время,
когда уже не самиздат слепой –
посмертный том с глазастью обложкой...
Переключаю на другой канал:
транслируют футбольный матч в Европе –
гол! – о, как гол под небом человек! –
и крупный план: болельщики, как дети...
Завариваю чай, но не такой,
как он заваривал – слабей. Боюсь, что сердце
не выдержит...

2.

«Преодоление искусственных препятствий
Аккумулирует энергию стиха.
Монтаж сложнее, зато надёжнее крепятся
Языкового аппарата потроха».
Такая в голову всё лезет чепуха.
Иначе говорил мой гость на Петроградской.

«Естественность есть что? – удвоенное *есть*
В тавтологической основе, а в природе
Гражданка Смерть и та не в состоянии съесть
Её ни в городском саду, ни в огороде,
Ни в сумрачном лесу словес: ведь в каждом – весть!»
И так не говорил, когда сидел напротив.
Явь погребла тот лес, бывшее заболотив.

«Филолог, вязнувший на подступах к письму,
Ещё терзается догадками: к кому
Обращено; реминисценция, цитата –
Кривого зеркала улов, а посему
Так завораживает имя адресата,
Из текста зыбкого глядящее сквозь тьму».
Своим чужое подменив запанибрата,
Томлюсь беспамятством, а память плутовата.

О, только бы вернуть мелькнувшее когда-то
Внезапное лицо и магию саму
Акrostиха! – тогда и вспомню, и пойму.

3.

Заигрывал, опасности словно не видя, смысла не видел
дальше тянуть, когда уже ничего не видел, вызов бросал
Силам небесным, едва ли испытывал к ним доверие:

Для испытанья слабых сил
Всевышний дал мне жизнь вторую –
Пустую, жалкую, слепую...
А я и первой не просил.

Сетовал на невнимание, сети из грубого флирта
расставлял и заманивал, ёрничал и фамильярничал:

Жизнь пробежала заводной игрушкой,
Не запалив огня, сгорела спичкой.
И ждёт уже последняя девчучка –
Курносенькая, с востренькой косичкой.

Не стеснялся банальности образа. Если порыться в анналах
коннотаций, конечно, выплывет Рыцарь Дюрера или
актёр фон Зюдов из фильма Бергмана (в шахматы
можно играть и вслепую, а какого пола партнёр –
зависит от языка). Ревновал даже к старым друзьям,
завидовал каждому, к кому *она* приходила:

Я не завидовал, поверь,
Чужому счастьем или силой.
И вот завидую теперь,
Завидую, как лютей зверь,
Всем, кто уже в могиле!

Да что там друзьям и знакомым – насекомым о том же брюзжал:

От зависти захватывает дух.
Воистину, любимицы богов!
Вот мне бы так – р-раз и готов!
...Я бью газетой свёрнутою мух.

Заговаривал, уговаривал – всегда была на устах!

В местах живописнейших ей назначал свидания:

Добравшись до Дворцового моста,
Чуть отдохнув у среднего пролёта,

Начну-ка жизнь я с чистого листа
Двумя секундами свободного полёта.

Дразнил, а потом казнил себя за нерешительность, тут же
находя оправдания – только бы не обижалась.

Велеречивость, к примеру, в зачине – Петрова десница,
город прекрасный, и тут же – ужо тебе!.. На!!

Каналы, реки – есть где утопиться...

Но, к сожалению, вода грязна.

(Карповка, Гриша Слепой – это ведь рядом, шесть лет как...

И та же свора эриний – соседи по коммуналке...)

...Но что поделать, смерти страх

Во мне сильнее страха жизни.

Два страха тянули в разные стороны (или толкали?)

...И жить надоело, и смерти бегу.

Двадцать лет ещё (даже больше) бежал и бежал приближаясь,

а близость всё меньше страшила, всё больше манила,

и тогда в нетерпении требовал, чтобы сейчас же, немедленно:

В моём сердце нет места надежде –

Дайте общий наркоз и... зарежьте!

Слепота обостряла слух...

Я ближних слышу каждый вздох.

И в каждом вздохе: «Чтоб ты сдох!»

...и обоняние:

аромат его каши сгоревшей, миазмы канав и каналов

грёбаной этой Венеции, *запах женщины*

(как-то неловко затрагивать кинематограф).

Сами созвучия слов намекали на выход заветный:

Мне не поможет альбуцид.

Мне панацея – суицид.

Танатосу фанатично служил, Гипносу тоже

должное воздавал, не боясь обознаться –

в состоянии полусна пребывал постоянно:

Меня бы только не будили.

Я сплю и сплю.

А чтобы не похоронили –

Слегка храплю.

Не чурался глагольных рифм и, заранее мысленно

свой глаголь воздвигая, лежал и глядел в потолок:

...У вас в небе луна, словно пицца,
У нас нет и ущербного месяца.
В ночь такую неплохо напиться
И совсем хорошо повеситься...

Лиро-эпические миниатюры, нечто среднее между эпитафией и эпиграммой – и много ещё в том же роде наговорил в диктофон... Говорил, «не хочу подсказывать Судьбе». Оказалось, можно невольно. Воля к смерти диктовала и правила всё (а может быть, всем? – не знаю). Кротом пробирался в потёмках, в неведеньи, что происходит там, наверху, на свету, в шелестящем бумажной листвою литературном процессе. Гомером-минималистом останется в узком кругу (что значит узкий, широкий?) – нет, не боюсь возвеличить! Как высокий горный хребет, каждую зиму преодолевал – хронически не доходило тепло почему-то до комнаты. И разве не веет от рифмованных этих жалоб, от висельного веселья этих вывертов и укоризн космическим холодом?

Туман в глазах зеленеет. Это
Я увидал – наступает лето.

Многие лета страдал безутешно от неразделённой любви. Наконец, взял за горло – и соблаговолила ответить. Здравствуйте, Юрий Владимирович!.. Вновь на моих плечах его руки, только теперь я не поводырём в коридоре – смотрит мне прямо в лицо испытующе, зряче... Зачем? ...Ощущая беспомощность всех мною сказанных слов (не стихи, не статья – неуклюжий какой-то коллаж, бирка с надписью: КАШИН И СМЕРТЬ), гляжу я на этот мир, гордо отвергнутый им – ещё одним хрестоматийно – маленьким человеком, равнодушно гляжу своими невидящими глазами...

Нет, ты мне не нравишься, жизнь!
(Последнее – тоже цитата).

2005

* * *

Душа, вперяя очи во
тьму будущую светочем,
не замечает ничего
вокруг себя – и незачем!

Все повороты мысли со
слепорождённым замыслом
сцепив, как с осью колесо,
поверит ли глазам своим?

Влекума к невидали, ко
всех взоров средоточию,
свои отводит далеко
от зримого воочию.

2009

АРОНЗОН

На стене висящее в первом акте,
в восприятии зрителя пусть повиснет
странным образом, символом сновиденным
в подсознании – и никакой развязки
в кульминации; лучше сближать по Юнгу
отдалённые ассоциации, лучше
побуждать прислушаться к тёмным безднам,
чем каким-то ходом предопределённым
ожиданья оправдывать; пусть ржавеет
без какой-либо цели в сторожке горной!

Сорок лет скоро минет уже, как грянул,
всколыхнув декорации южной ночи.
Задрожали травы. Звезда скатилась.
Раскатилось в горах азиатских эхо,
а когда докатилось до Петербурга,
как-то сразу несчастно в нём стало: небо
расползлось, как не было и не будет.
И одно молчание не смолкает,
резонирует явственней год от года,
сотрясает тёмные наши бездны.

2006

* * *

Украл я право жить у тех
миллионов, что могли бы тоже,
и не бегу простых утех.

Прости мя, Боже!

Я в это дорогое *здесь*
проник по-воровски украдкой
и в робости подобен весь
той букве краткой,

что в одиночку не звучит,
платочком над собою машет...
Мой крестный опыт нарочит
и даром нажит.

Ничто не чувствуя чужим,
хватал я всё подряд. Неужто
татьягой до гроба одержим?
Ничто не чуждо.

Богатым этим языком,
чтоб стать великим и могучим,
я овладел тишком, ползком
и ныне мучим

стыдом без памяти – магнат
из фильма Орсона Уэллса,
забывший, как вдруг стал богат,
когда заелся.

Я на платочке узелок
не завязал – теперь не вспомню,
как я камену уволок
в каменоломню

сознания тёмного – и вот
мы промышляем вместе с нею:
цитат кружится хоровод,
и вновь краснею.

Стать притчей на устах у всех
мне так же светит в языке том,
рифмующем с грехом успех,
как стать аскетом.

Лукавлю: буду нем и наг
перед Тобой, и тут-то, Боже,
Ты мягкий подаёшь мне знак...
Мороз по коже.

2005

ВОЛШЕБНАЯ ИГРА

В противовес в унисон в резонанс
в сторону в тартарары
на спиритический киносеанс
одновременной игры

с периферии сознания на
чистую гладь простыни
с лентопротяжного веретена
клетками – ночи и дни

слиться в одну черно-белую рать
сходятся с разных сторон
спектра судьбы... Начинай же играть,
старый тапёр-граммофон, –

так, чтобы оторопь с первых же нот
сиюминутных сюит,
чтобы попасть не впросак, не в цейтнот –
в музыконосный Аид,

где ускользящую красоту
ловят не чувством, а так –
голым чутьём, и уже на свету –
ввером шквальных атак.

Что итальянский кондитер из грёз
ни сфабрикует – съедят.
В каждом касании – робкий вопрос:
медленно действует яд.

Мечущий меченых карт алфавит
музыка-языковед
знает уже или делает вид,
что уже знает ответ.

Здесь каждый ход – только реплика на.
Мастер печёт и печёт,

падает зреющей встрече цена.
Только на то и расчёт –

мимо найти и постигнуть врасплох.
Очень сомнителен шанс,
что однозначный прорвётся сполох
в сомнамбулический транс,

что повелительный голос из мглы
скажет: *иди поперёк!*
Лишь подсознания помнят углы,
кто чем когда пренебрёг.

Всё так и вертится, как в интерьере
вписано, как завелось.
Всё-таки верится в музыку сфер.
Глюком смещается ось,

изображение переводя
на стену и за окно,
в свежесть июльского после дождя,
где растворится оно

в чайных сладких как смутный объект.
Вспомнить бы, чем завлекал
тот, рядом с блюдцем дешёвых конфет,
пустопорожний бокал.

Настежь, на счастье распахнуто, на
веру всеобщей души...
Всё-таки вера была холодна:
счастье ушло за гроши.

Стелется над неподвижным столом
дым от того что невмочь
наперекор на разрыв напролом
навзничь в квадратную ночь

2006

* * *

Эта действительность не действительна,
ведомств неведомых представитель на
ней не поставит покуда визу
росчерком где-нибудь сверху-снизу.
В действие приведённая визио-
нером, она обретает физио-
номию, коей черты по сути
определимы едва в дебюте
и лишь затем, подтвердив наития
в ходе логического развития,
сводятся в контуры, по которым
смыслы скользят, как по коридорам.
Втянуты звёзды в игру чиновничью,
в сон многоклеточный, что давно вничью
мог бы закончиться жертвой тонкой
и нескончаемой перегонкой.
Но продолжается, невзирая на
лица-бумаги с печатью Каина,
что, мельгеша, не глядят ни вниз, ни
вверх, где суровый Начальник жизни.

2006

ПЕРЕХОДЫ И СОЕДИНЕНИЯ

1

Стареет за окном... В конце — одни концепты...
В конце б ты мог сказать, но сказано уже.
Темно и холодно... Твоей невнятной лепты
стёрт и затоптан смысл. Плешиво на душе.

В концепты мокрый снег и западного ветра
однообразный гул переведа, прочти
последний произвол из вскрытого конверта —
в конце б ты *мог* прочесть, не ты уже почти...

Темно и сказано, как видно, потому что
сосредоточенность парализует ум,
слова связующий бесчувственно и чуждо
шнурками грубыми на ощупь, наобум.

Явь относительна, невнятность прозорлива,
и всё так смешано, что до смерти смешно.
Растворена в крови таблетка пазолина,
и сам завещанное исполняешь, но...

2

Чей это стон раздаётся — не мой ли?
Боли немой пароксизм.
В плечи вгрызается вервие Мойры,
как воплощённый сарказм.

Всё совпадает в словесном помоле.
Соль выпадает в трюизм.
Волга впадает в Каспийское море.
Разум впадает в маразм.

Кузьмич со всех сторон и слёзы...

Постыло всё... А не пора ль
на все четыре, в лоно прозы?
Но прорезается февраль,

закладывая рифму-бомбу
на век-другой под честный трон
и тем предвосхищая помпу
косноязычных похорон.

В чернильную макая слякоть
перо, читателя достать
из толчеи, тайком оплакать
и скрыться в толчее, как тать.

2003

Всё написанное будто на что-то похоже,
иногда – чуть-чуть, а иногда – точь-в-точь.
до того, что подумаешь даже: одно и то же, –
но потом присмотревшись: да нет – день и ночь.

Что-то уши подслушали, да не то уловили.
Из подобных разночтений и соткана
вся словесность: старушонку лущить чем попало или
их считать, вываливающихся из окна.

Несусветное что-то загнул или просто выгнул
странным образом шеи любопытных слов,
а потом и вовсе из гнёзд их взащей выгнал –
и неожиданный осмысливаешь улов.

На восток и запад расколот мозг. Сплеча лишь
разрубается узел антиномии сей.
По дороге в Индию к Америке вдруг причалишь –
ты свободен, о диссидент Одиссей!

Параллелей пленник, от встречного ветра и штиля
издевательств немало ты претерпел.
Что твой опыт? Мираж в бесконечных поисках стиля.
Не рвануть из моря возможностей за предел...

Ах, великая наша! Обманут её любовью
к человеку маленькому, лишнему и вообще
ко всему под ярмом и плетью страждущему поголовью,
сам хорош персонаж: борода в борще!

А она, свои средства сулившая на дорогу,
днесь наложницей на ложе лжи возлежит.
Ты блуждания эти сам предпочёл острогу,
хитроумный грек, то бишь вечный жид.

Но с другой стороны, что всему и всегда чужая,
воздух-синтаксис легко принимает в себя
словопад щебечущий – и душа дрожит, подражая,
вторя всякому веянью и любя.

2006

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Николаю Ивановичу Николаеву

То Вена правила бал,
то прусский сапог топтал,
а тут и наши походы:
примите дары свободы!

Под небом Балкан, Карпат
родные корни скрипят,
в долинах Дуная, Вислы
другие давая смыслы.

Наречья местные Рим
письмом укротил своим.
Лишь кое-где уцелели
кириллицы цитадели.

Наш Запад здесь буйно цвёл.
Посажен за частокол,
он, словно сад прикровенный,
манил большой переменной.

Проходили по длинным дорогам, по книгам – одни названия
в голове застряли: Волынь, Галиция, Богемия, Трансильвания.
На задворках хасиды раскидывали цыганский табор.
В темноте кинозалов нас окликали Збигнев, Марика, Хана, Габор.

Вот опять простились... Надолго ли?.. Скрипка заплакала.
С пеплом смешана эта земля. По ней бродят Голем и Дракула.
Снова в плоть облачить сулит поминальная месса
кости древле polegших под еловой горой у зелёного леса.

Здесь частенько в кастрюле истории кровавая свадьба готовится.
Растеклась, должно быть, по жилам строптивых дзядов сливовица.
Что ещё вспоминается? «Шипка» в кармане... Гуситов крикливая стая
предстоящую жизнь оглашает, в школьном окне пролетая...

Восприимчива ты, как женщина, и слаба: то затуркана турками,
то лощёный фриц тебя соблазняет шнапсом да гурками.
Вот и мы... да что уж там... Глаз не отвесь от витражного калейдоскопа
твоих вер и поверий, о Восточная – своя и чужая – Европа!

Так и моя душа устоять
перед влияньем серьёзных дядь
не в состояньи: слишком податлива,
но до абсурда бравосолдатлива;

так же страстями разделена:
где иммортели, где белена –
части её друг другу несноснее
всех составляющих бедной Боснии;

так же дрожащая на ветрах,
укоренясь в родословный прах,
тянется за межевую линию,
как молдаване наши – в Румынию;

так же свой очередной распад
пережила и склонилась над
контурной картой новой реальности
с чувством блаженной провинциальности.

2006

ВСТРЕЧА

– Заблудился я, кажется. Вы не подскажете, где я? – не узнаю – далеко ли до Хутора?
– По просёлку – вёрст пять, а тропой через пажити, да леском напрямик – так не больше полутора.
– Коли пять, не дойду дотемна. Делать нечего, только не заплутать бы опять...

– Не сворачивай до ручья, ну а там, возле брода овечьего есть мосток в два бревна...

Интонацией вкрадчивой подкупающий голос:

– Пролеском осиновым выйдешь прямо к овину. Дотопаешь засветло... Мнётся, тянет, еще уточняет...

– Спасибо вам.

Всё как будто понятно...

И вдруг слово за слово:

– Как Хозяйка-то? Нынче, небось, не управится без помощников? Не вылезает, замаяна, из угодий своих... А была ведь красавица! Тяжело ей, бедняжке, теперь, без Хозяина...

– Да какой я помощник! Ну, разве за хворостом, за водой к роднику, намекнёт когда, сбегая...

– Значит, не поддаётся печалям и хворостям? Как-нибудь к ней нагрну с попутной телегою...

Нету смысла спешить в этом ритме размеренном. Впрягся в странный сюжет – вот и жду, чем развяжется, и покорно топчусь у обочины мерином – зачарован, бессилен и тронуться, кажется. Дальше слушаю. Где же я? – так и не ведаю, и какое-то время неопределённое, порождённое сею тягучей беседою, брезжит, сея в глаза нечто сине-зелёное. Словно переплелись колея и коллизия... Не добраться вовек мне до хутора вдовьего! Озираюсь вокруг: может быть, в парадизе я? С кем тогда разговаривал?.. Нет и следов его...

2005

ЮСУПОВСКИЙ САД

Сад соразмерен с прудом, то есть пруд –
как зеркало в широкой раме сада,
и вдоль Садовой тянется ограда
с воротами. Весною их запрут –

торосы пусть растают ледяные
у берегов: сезон коньков истёк –
чтобы никто не вышел на каток
и чтоб луга просохли заливные.

Откроют сад – предстанет весь каскад
его затей средь городской рутины:
эстрада, горка, выводок утиный,
на остров мост и лодки напрокат.

К их перечню осталось лишь добавить
статую, что встречала у ворот –
и до мурашек снова проберёт
тот садопруд, мою терзавший память.

В руках моих тяжёлое весло.
Ритм задаёт отец, сидящий рядом.
Куда ж нам плыть?.. Под материнским взглядом
вдруг падаю на лёд... Куда ж несло

меня ты, Время? – в этот день осенний
позволь под шорох облетевших лет
тебя спросить. – Не здесь ли где-то след
мне протоптали дорогие тени?

Эстрада и статуя снесены,
и лодок больше нет – одни лишь утки...
В пятидесятилетнем промежутке
не вся ли жизнь?.. А горка у стены

любимого музея уцелела.
В нём бегали по рельсам поезда.
Следя за их манёврами, всегда
душа моя от восхищенья млела.

Музейчик этот садику подстать:
там – поезда в масштабе, тут – стихии.
Похоронившей Пушкина России
пришлось на рельсы будущего встать.

А что ж теперь? Такие перемены,
до коих было б лучше не дожить.
Вокруг всё чуждо – нечем дорожить.
Безрадостен мой дух несовременный,

как эти строки. На какой настил
ступить мне, чтобы старческую слякоть
сознания одолеть, а в нём оплакать
тот уголок, что вновь я посетил?

2007

НА ДАЛЬНИХ ПОЕЗДАХ

Владимиру Лапенкову

Как Гоголь назидал своих друзей,
проездилися когда-то я по всей,
проводником работая почтовым,
и, вроде, удовлетворил сполна
страсть к странствиям. Отхлынула волна.
Порассказал бы многое, да что вам?

Когда состав мой полз через Урал,
когда, сжимаясь, отступал Арал,
караем богом Солнца разъярённым
за то, что всуе окликал его,
не токмо взором проникал я во
град Китеж – духом, ею покорённым.

Влѣк философский камень Алатырь
то в лес его, то в степь – в тот монастырь,
где наш Грааль, не тронутый Перуном,
хранит в веках, как жертвенную кровь,
всю мудрость мира, вторя вновь и вновь
славянской вязью скандинавским рунам.

Протяжный зов бухарского муллы
сквозь аромат цветущей мушмулы
манил чужим укладом и ландшафтом.
Тамбовский волк, отбив двенадцать лет,
через меня передавал привет
сибирским пихтам, заполярным шахтам.

Соль проступала, и, простором сим
пленён, язвим, солим и русолим,
я ощущал в крови своей брожение.
Под стук колѣс немолчный, в полусне
вбирал я всеми порами извне
языков вавилонское смешенье.

И древний лад, как неизвестный яд,
по всем распространялся жилам вздутым,
и понимал я: где-то наверху там,
среди облачных она бытует гряд,
невидимо гиперборея над
гремучим железнодорожным спрутом.

Ах, жизнь моя! Как была ты ключом!
Всея Земли тебя питала сила.
Свои, мечталось, корни извлечём
из недр Тибета, из долины Нила...
Припомнить бы, о чём она бубнила,
шаманила и шамбала о чём.

2007

кругом недоумения снега
в них бедный разум вязнет как нога
душа не может выбраться из омота
нелепых снов словно коня к какому-то
колу привяжешь ночью а потом
проснувшись обнаружишь под крестом
венчающим церквушку деревянную
на горке над рекою разливанною
и вот уже барахтаясь ко дну
идёшь хватаясь за тоску одну
а та в потусторонне-постороннюю
внезапно превращается иронию
становишься колючим точно ёж
но удивляться не перестаёшь
куда несёмся лих ямщик да пьяница
и для чего красавица румянится
изображает на ланитах стыд
зачем свеча при свете дня коптит
свидетелем публичной экзекуции
случится стать и равнодушно-куцые
реакции толпы так изумят
что будто сам побит в лепёшку смят
её щитами грозно-оборонными
и заодно с маркизами баронами
дивишься нравам этих басурман
с чудной страной закрутив роман
а то читая что-нибудь французское
немецкое вдруг имя встретишь русское
и что-то вдруг кольнёт латинский шрифт
смесь непереводимых правд и кривд
в пленительную превратит экзотику
воздействием подобную наркотику
взгляд из других краёв других эпох
пронзит пространство со страную Бог

граничащее словом всё по Шкловскому
или сродни киноэкрану плоскому
их воспрятье нашего когда
под поезд голливудская звезда
и вспомнится как перевод с варяжского
завидный дар восчувствия чувашского
поэзии раздвинет окоём
пробелами где каждый о своём
а выразить по-своему простая ли
задача лишь бы только не растаяли
снега недоумения

2006

Кто там рвётся в общем хоре
наше время отражать,
наше всё на наше горе
от ума преумножать? –
от того ума, которым
не понять Россию: в ней
по неемлемым просторам
больше слов сошлось на форум,
чем в Элизиум – теней.
Воспарили встарь, крылаты,
огласили даль и высь
и по гнёздам на цитаты
после пира разошлись.

Старые дотла сотрутся –
новые в печать готовы!
Двух столиц певцы дерутся
за народную любовь.
Эта дама непреклонных
лет не дольше им верна,
чем со стонами влюблённых,
отзываясь в миллионах,
в резонанс дрожит струна.
Эхо смолкнет – и невмочь уж
множить оттиски с клише.
Ну а в Грозном жить не хочешь?
Вид руин не по душе?

Новый старый гимн сыграют,
вступит пламенный дуэт...
Пусть живут, не умирают
те, кто больше, чем поэт!
И чем дольше в обороте,
тем стираются скорей,
тем заметней в каждой ноте,
как прорехи в позолоте,
фальшь восторгов и скорбей.

Во языцех пусть сгорают –
вновь из пепла воспарят!..
Времена не выбирают.
Рукописи не горят.

2006

ТЮТЧЕВ

1.

Предзакатная Европа ли
пыл сердечный охладит,
грёз ли о Константинополе
утешительный кредит:
отвоюйте, отмолите-ка –
аллилуйя и ура, –
чтобы внешняя политика
пробирала до нутра!
От избытка смысла вязкие
застилают слёзы взор.
Ноги чешутся славянские
на бесспорный встать Босфор.
Чувств смятенных коалицию,
Царь Небес, благослови –
над духовнейшей столицей
разверни покров любви! –
над турецкими курортами,
где, забыв о нищете,
загорают *наши* ордами
на Олеговом щите –
распалятся и в безумии,
заповедный взяв редут,
шоколадные, как мумии,
грянут: русские идут!

2.

Дипмиссия: искать окольный путь,
чуть колесница мироздания к бездне
приблизится, а если и объезд не
убережёт – попридержаться чуть-чуть.

Дипмиссия: сквозь тайнопись депеш –
пернатый бисер на железной нити –
читать в душе измученной одни те
намёки звёзд, всегда одни и те ж.

Дипмиссия: вступить в порочный круг,
где в облаках Восток и в тучах Запад,
и ждать, когда вселенская гроза под
покровом ночи разразится вдруг.

2008

* * *

*Была запретная страна Литва.
Владимир Ханан*

Куда бежать? Скажи, изгнанный демон:
на Самостийную? на вольный твой Кавказ?
в Семипалатинск? Лучше уж на Неман.
Межи земные небу не указ.

Чуть пожалеем о былом – и сглазим:
вот-вот навалится – что будем делать мы?
Не ты ль витал ещё над беглым русским князем,
изобличавшим князя Тьмы?

На старости особенно тоскливо
осознавать, что прошлое мертво,
а он, курилка, жив, и наши счёты с Клио
все сводятся к опричникам его.

И если на своя извечно круги,
как ветер, возвращаются они –
пускай в объятиях сплетутся крепче руки!
С порога беженцев заблудших не гони!

На волнах музыки осенних дней червонясь,
что рассказал бы тот прибрежный лес?
Какие тайны нам поведал бы Чюрлёнис,
когда-то трогавший до слез?

Полупустой костёл доминиканский
отпел Антосю добрую давно...
Да что со мною? ностальгия по-ханански?
А я-то думал: не дано.

Всё, что осталось – трепетать под властью
мучительницы-памяти, едва
к тому, запретному, из тьмы восхитит счастьем,
что подарила нам Литва.

2007

БЕЛЫЕ ДВОЙЧАТКИ

Какой-то дядя в меру честных правил
тузом краплёным из колоды выпал.

Другие озабоченности смутно
уже читались на знакомых лицах.

Менялась обстановка в направлении
евростандарта через пень колоду.

Все стены таяли в лазури лучезарной,
и раздвигалось небо над Берлином.

То было время всяческих открытий:
архивов, казино, церквей, границ, америк...

А твёрдый курс по западному ветру
привычно гнал к восточной деспотии.

Накладываю то на это время,
и тошно – точно аллегория на это.

А символы всё те же, и всё так же
грядущий хам жестокосерд и молод.

Иллюзион закрылся – нету смысла
чего-то дальше ждать: кина не будет.

Осознанно участвовал – того уж
всей людигодыжизнью не искупишь.

Всё те же опыты по расщеплению слова –
лингвозэнергия уходит вся на всхлипы.

О чём вокруг и на каком наречьи?
Не вслушиваться! Жить как на чужбине!

Всё опостылело – и никого не видеть!
Я вовремя ушёл. Зачем вернулся?

2006

1968

Хунвэйбины противников Мао когтят.
Уж три года прошло, как Хрущёва сместили.
Вольнодумцев, как новорождённых котят,
топит Время в своём нержавеющей стиле.

Я – безмозглый студент, после долгого сна
паутиной опутанный детского страха.
А в Париже и Праге бунтует весна,
молодая Европа щебечет, как птаха.

Soyez réalistes, demandez l'impossible!
...Отрезвись отрезвеет, забудет о Сартре,
состоянья отцов и стабильную прибыль
предпочтёт, постарев, состоянию сатори...

Вот я в псковской деревне. Нет света в домах.
Провода мы протянем и скажем: да будет!
Но сначала стакан самогона впотьмах –
и о подвигах наших народ не забудет.

...И последний того просветления след
будет стёрт в Старом Граде советскими танками...
Ах, как хочется ныне, спустя сорок лет,
снова цыкнуть на нефть со швейцарскими банками!

Только киношедевры до нас донесут
дух тот вольный, под грудой табу погребённый:
что ни кадр – то знамён побеждённых лоскут,
водружённый во славу вселенской Сорбонны.

Что ж, исполним на бис, только в новом ключе,
радикальную ту, экстремистскую музыкалку!
Тот ядрёный коктейль из Пол Пота и Че,
сдобрив долькой лимона, хлебнём под закусочку!

И пусть всё против нас, а исход предскажем –
поперхнётся весь мир нашей костью разможенной!
Мы кошмарные сны его реализуем
и добьёмся, добьёмся ещё невозможного!

2006

ЗАБРИСКИ-ПОЙНТ

Когда бы, не поверив греку,
войти ещё раз в эту реку
по имени Какбытонибыло –
войти ещё раз в эту воду
и перейти, не зная броду!..
Но где она? Песком засыпало.

То время засыпало... Ныне сны те
покрыли берега подобно сныти.
В пространстве беспробудном нет событий –
одни лишь перспективы их, проекции
на окоём грядущего далёка.
Дыши, душа, без страха и упрёка!
И ты, насос, гонящий кровь, не ёкай
от совпаденья, словно от инъекции!

В сознаныи засуха, и слёз в глазницах мало.
Где миг магический? Не повернуть кристалла.
На жизнь свою гляжу бесчувственно-устало
с холма по имени Вочтобытонистало,
и ветер свищущий всё не даёт прислушаться
к засыпанным песком когда-то вольным струям.
Журчат подземные: молчи – и расшифруем!
Смысл расширяется... Последнюю сотру им
черту и вспомню всё – и, вечностью даруем,
тот не блеснёт ли миг, словно в пустыне лужица?

2008

* * *

Эпоха упадка. В таком бы
убожестве, в смраде таком
уйти Бога ради тайком,
податься украдкой, тайком бы
назад, в катакомбы,

спуститься бы истины ради
в родное подполье, как встарь,
востеплить в её вертограде
огарок души на алтарь
гранитной тетради,

прочсть бы сакральные руны,
задеть бы астральные струны,
из недр архаических тех
извлечь бы хоть отзвук утех
чертовки фортуны,

припомнить бы волей-неволей
трепещущих пламень сердец
и готику звонких застолий,
найти бы заветный ларец
в пыли антресолей!

2010

ДК им. ГАЗА

Та очередь, как на фасаде фриз,
в моей застыла памяти. Часами
топчаь, ещё не сознавали сами,
что ждёт в духовном том универсаме,
где коммунизма горизонт провис...
Да где же ты? Ау, нонконформист –
художник, в экстатическом гешефте
познавший наконец-то что почём.
В заоблачный музей гони бичом
голодных муз, подбадривай: не дрейфьте!

ТЬфу – пропасть!.. Глядь – перемахнул скачком
от газаневщины до газонфти!

2008

ПИРРОВА ПОБЕДА

Вот и на нашей улице стол накрыт.
Круг поредел наш изрядно после Аскула.
Многих не видно. Что ж, помычим навзрыд,
чтоб ненасытная прорва земли икнула.
Добропобедный Наполеон наш опять в каре
рад всех построить... Уж лучше в вечном покое,
чем под его штандартом! Ведь ясно, какое
тысячелетье – вопрос: на каком дворе?
Благоухают отруби злчных новаций.
Свиньи – в отрубе. Овцы – в пылу ований.
Доблести, чести поля поросли бьльём.
Вот мы и вместе. Выпьём и снова нальём!
За меценатов! Узнав наконец-то цену
ценностям нашим, они, торопясь вложить
круглую сумму в наше былое, на сцену
вышли в штанах-башмаках своих. Скучно жить
на этом свете... Так вот, о чём, значит, втайне
грезили мы, господа и тварищи, сквозь
годы глухие! Выпьём за всё, что сбьлось –
за Аванград-на-Неве, Комсомольск-на-Майне!
Или мы все на том уже?.. Высох и сгнил
дуб наш высокий, а мы – как стадо могил.
Жизнь окунём в молодое вино, воскреснем!
Да покорится Москва сим победным песням!
Возвеселимся! Рыла свои погрузим
в общий котёл, в актуально-чумную кашу
нового времени! Сколько мы лет и зим
бились за эту... как её?.. вашу и нашу!
Пряник печатный добыли – хватит на всех.
Можно хватать, не косясь тайком на соседа.
Трудно далась победа – легка беседа!
Новой стратегией старый цветёт успех.
Чу! Колыма-колымага... Но слух не режет
льдов стрежневых, ступиц перегруженных скрежет,
лепет не слышим скорбного скарба ея.
Пир закатали на славу... Был там и я...

2006

ПРОГУЛКА С СЫНОМ

Над озером гора, чтоб озирать...
Чем выше, тем пространнее поверхность,
тем гуще текст, что, выступив как рать,
читается как мужество и верность
под натиском надвинувшейся тьмы,
когда от силуэта к силуэту
растёт сплочённость сосен, то есть мы
в себе вдруг ощущаем силу эту.
Веди меня по склону!.. Где-то здесь
была тропа, что перегородили
стволы деревьев павших. Перелезь,
а я уж за тобою, мой Вергилий!
Меняется ландшафт, заметим, но,
невидимые обличая сдвиги,
не устршимся! Пусть в глазах темно –
мы шелестом страниц какой-то книги,
листаемой тревожным ветерком,
ведомы оба. Кочки-опечатки
сбивают с толку, смыслы – кувырком
и в крошево, но скоро мостик шаткий
внизу стопам уверенность придаст,
а то, что наверху мы прочитали,
соединит и нас, размыв контраст,
в строю солдат возвышенной печали.

2010

* * *

О чём скрипишь ты, старая сосна,
принять готовясь ледяную ванну?
Ещё корней твоих не скрылись письма
под симпатическую манну.
Ещё не отряхнули львиных грив
кусты осенние, как будто не слышали,
что всё живое поглотит архив
эпически пустынной дали.

2009

* * *

Небо уходит из-над головы
Всепоглощающее увы
жизнь обесценивает без кавы-
чек предъявляя к оплате
Сбросив заботы побочные с плеч
тянется ввысь неспряямая речь
обращена в никуда бесконеч-
на полувнятном закате

Что ни захватит сведёт к одному
то есть с ума истерзает изму-
чает что суть а окажется му-
тьмою протяжно мычащей
Но и во тьме не смыкает уста
гонит и гонит словесное ста-
до глухома- никогда не уста-
нет ни просвета за чашей

Век промелькнёт невидимкою-век-
шей не щадивший фальшивейший век-
сельской дорогой меняющей век-
торными тропами в хвое
Небо затягивает как боло-
то и другое замкнут моноло-
где остановится на полусло-
веретено мировое

2005

* * *

Душа моя! Ты вновь с опухшей мордой
встаёшь, идёшь походкою нетвёрдой –
и вот приходишь медленно в себя.
Где ты была? Ты здесь уже, восчувствуй!
От немоты очнись тысячеустой,
рассказывай, я слушаю тебя.

Закуталась в халат, глядит – не видит,
всему чужая: свет дневной не внидет
в потёмки – как толпа, многоочит...
Скажи хоть слово – словно о пощаде
молю – откликнись как-нибудь, исчадьё
и счастье!.. но молчит, молчит, молчит...

2005

* * *

Пускай паук меня поучит
чему-нибудь и как-нибудь,
чтоб в этих зарослях дремучих
среди цитат сухих, трескучих
летучим замыслом блеснуть.

А смыслы чтоб в стеклянной банке
друг друга поедали и
ассоциации свои
тянули к деревянной банке.

Пускай, в парах парящий, спит
он со своею паучихой,
ее размякшей плотью сыт!
Пусть, осеня тайный стыд
моих амбиций, тихо-тихо
лавровый веник шелестит!

2003

* * *

Влачи, улитка, утлый домик свой!
Невелико пожизненное бремя.
Где ни осядешь, он в любое время
даст крышу над рогатой головой.

Твоих кочевий вечный атрибут
являет совершеннейшую форму,
укладываясь в заданную норму
жилплощади – и счастье тут как тут.

Дрожит от ветра виноградный лист –
и всё же он куда надёжней тверди
путей мощёных, где ты ближе к смерти:
ведь человек на них – монополист!

А на путях Господних он и сам
дрожит за жизнь свою и за жилище –
родное не оплавав пепелище,
в сырую землю втопан там и сям.

2009

ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Здесь, за последней чертою осесть
склепы и камни чужие
блудную душу прельщают, а лесть
дарит порой миражи ей.

Полуразрушены и заросли
чертополохом, бурьяном...
Господи, всем здесь лежащим пошли
мир и покой лютеранам!

Вдруг своё имя, dahin устремлён,
метафизически-скорбен,
вижу среди полустёртых имён;
ниже: geboren... gestorben...

Светлое поле... Неспешной толпой,
как после жатвы селяне,
мысли, вдохнувшие вечный покой,
тянутся к Ясной поляне.

Мальчик наказан и пишет диктант.
В памяти выбиты строки.
Дядька – сапожник, солдат, фабрикант –
учит о худшем пороке.

Неблагодарность... die Un-dank-bar-keit...
В рокоте речитатива
партия Совести – ангельский альт –
трепетна, благочестива.

Светлое поле... Элизий теней...
Вот куда путь пролагала
жизнь моя, смерть неотступно при ней
Здесь не Шеол, а Валгалла.

Так произносится, что, разносясь,
литер готических стая
сеет свою полувнятную вязь,
в новый контекст прорастая.

Так, сокровенные струны задев,
странная музыка эта –
страшная песня воинственных дев –
зовом звучит с того света.

2006

* * *

Радостью Рождества,
первым вздохом Твоим навеяны,
мысли, слова
хаотично, как звезды, рассеяны –
о том о сём...
Тщетно мы к Тебе тянемся.
Что Тебе принесём,
с тем и останемся...
Что я Тебе принёс?
Только свой длинный нос!

2005

* * *

Затянулась как в этом году зима!
Не выходит холодный мрак из ума.
Не выгонишь, коль не выгнешь
всех извилин, всех словопроводных труб.
Что тебе остаётся, ходячий труп?
Постись! – может быть, постигнешь.

Чёрствый наст под ногой, закапало с крыш,
и на то, что демонов заговоришь,
надежда вновь прорастает.
Неужели душа, как последний снег,
почернев неприглядно от вешних нег,
к Страстной, наконец, растает?

2006

* * *

С ног до головы оклеветано
разумом-предателем тело.
Вновь за его козни ответ оно
держит, неповинно всецело.
Но, не оскорбляясь напраслиной,
радуется недоумело.
Жаль только, от Святков до Масленой
время быстро так пролетело.

2008

* * *

Работай, нескончаемый завод
во сне! – и, весь разболтан спозаранку,
сухим я выйду из летеиских вод,
встряхнусь и превращусь в твою болванку.

Давай же, обрабатывай, шлифуй,
верши своё задание скорее!
Трубы твоей зовёт сакральный вой
к сплочению грёз, как в Северной Корее.

Зажатые в вербальные тиски,
пускай они вращаются, покуда
не отделятся от тупой тоски –
протяжного назойливого гуда!

Меня ты взашей – благо что тонка, –
не заведись я с полуоборота
морально устаревшего станка,
турнул бы как морального урода.

Кого версификационный цех
довёл до слова крепкого измаяв,
тому понятно и плевать на всех,
кто гильдию позорит разгильдяев.

Ты на уши не вешаешь лапшу,
за что и благодарен – так, что даже,
когда-нибудь заткнувшись, напишу
автопортрет в промышленном пейзаже.

2006

VITA NOVA

1.

Требует за всё монет
мировая крыша.
От судеб защиты нет,
как от нувориша.

Угрожая и маня,
эта *vita nova*
достает уже меня
из угла глухого.

2.

Неусыпны стратеги твои,
vita nova, захватчица!
Пребывающий в небытии
спит и в списках не значится.

Динозавром на лаврах, в траве
почивающий без вести
незабвенной являет вдове
воплощение трезвости.

2003, 2005

* * *

Вот уж и наша зима приблизилась к евростандарту.
Вторгнутся полчища вражки – русский мороз не поможет!
Впрочем, зачем им вторгаться, если сам образ их жизни
завоевал нас уже? Аргачимся только напрасно!

2008

ГОРОД-МОЗГ

Что-то в мозгу моём рушится,
в части его исторической.
Тихого заговор ужаса
хочет из памяти вычеркнуть
всё, что в нём было так дорого.
Вороги-варвары шустрые
всё перестроят, не чувствуя
сути им чуждого города.
Крахнет система центральная
нервная и обездвижится.
Связей померкнет мерцание.
Пробок сосуды не выдержат.
Будут шунты виадуками
соединять полушария –
меж Дибунами с Шушарами
только тоску наведут они.
Здания мыслей возвышенных
скоро, как зубы, повыпадут.
Мыщц без натуги промышленных
новыми заменены будут.
Будет, предвижу, просторно в них
переоценкам имущества
и кривотолкам толкущимся.
Стенами правдоупорными
лишнее отделено будет.
Быстро стемнеет за окнами,
словно покроются копотью.
Так вот сеанс и закончится.
Не сохранятся параметры.
Страшная сила в мозгу растёт.
Город мой перезагрузится,
да и сотрётся из памяти.

2007

* * *

Не приезжайте в Англию, поэты!
Там лондонский орудует маньяк.
Он ваши изуродует портреты,
кровь вашу подмешает в свой коньяк.

Хлебнёт напиток этот калорийный –
и нет ему преград. И на тот свет
наводит ужас душегуб серийный:
разит перо, равняясь на кастет.

Выслеживает жертву он с пристрастьем,
поскольку ведь и сам не лыком шит.
Тот миг он почитает высшим счастьем,
когда настигнет и распотрошит.

Косилкой под газоны гладкостиший
он подстрижёт любой приبلудный стих.
И с вами разберётся он под крышей
бессмертных покровителей своих.

Разоблачит он вас без колебаний.
Велик его критический запал.
А чтобы не ослабевали длани,
к стопам он *Боратынского* припал.

Порой найдёт душитель милосердный
в несметных *против* крошечное *за*...
А *Баратынский* – что Кощей Бессмертный –
то через «о» над ним, то через «а».

2006

* * *

Вечный двигатель версификационный
не изобретал я никогда.
Но, сопровождаем Гальционой,
пироскаф мой плыл и плыл через года.

Лопасты колёс его тяжёлых
лоно вспахивали вечной немоты.
Земли новые искал я – не нашёл их:
в памяти маячат, как мечты.

Ни божественных энергий, ни инерции
грозных не использовал стихий.
Но порою билось учащённо сердце – и
котелок шипел-свистел, как змий.

За возлюбленную устремляясь тенью,
реявшею над пустыней вод,
не задумывался, по чьему хотению
пар клубится и корабль плывёт.

2007

ИЛЬИЧЁВО

Речушка лаконичная течёт
всё об одном и том же: *vita brevis*,
два озера связуя, мысль влечёт
к трюизму, ерепенится, как ересь
между камнями твёрдой веры той,
что трогает и тешит простотой.

Из *долгого* рождения, искусству
подобного, сужаясь под шоссе,
торит свой смысл, противясь опекунству
готовых форм, извилистым эссе,
широкого не требуя контекста
для своего гаврошистого детства.

Размыла под корнями грунт, крени
деревья, потерявшие опору,
ни материнской ласки, ни ремня
отцовского не испытав, напору
вся подчинилась беспризорных сил,
пока простор его не угасил.

Отшамкало болотистое устье.
Поглощена стремнина глубиной –
и речки словно не было. Но пусть ей
во славу будет водоём иной,
как вечный океан для флотоводца!
Такая смерть *красавицей* зовётся.

2007

* * *

Писать стихи, не зная сопромата,
не испытав, как обработка гнёт
материал, надломами чревата,
не рассчитав, как чувственная вата
смягчит сопротивление и гнёт
языковых устоев и тенёт –
вот, что уму всего непостижимей,
привыкшему фиксировать в зажиме
попавшуюся под руку деталь,
чтоб, стиснутая смыслами чужими,
свой обрела, ответила: да та ль,
что требовалась, или, как ни жаль,
её отправить следует в отходы –
конструкцию разрушит, и пиши
пропало. Форма никакой свободы
не допускает. Мерь на гесиоды
шум трудодней – Бог даст, в ночной тиши
уловишь и вибрации души.

2005

* * *

Ельника зубчатая стена.
Стелется туман. Тишина
непочатая.

Медленно рождается звук:
ту-у-ук, тук-тук-тук, тук-тук-тук...
Дятел труждается.

Мысли на рассвете вразброд.
Ритм их кое-как соберёт
в тонкие сети.

Песенка пустая, без слов...
Призрачный осенний улов –
замыслов стая.

2006

ЛИМИТРОФЫ

Куда вы скрылись, полночные герои?

Боратынский

Бабьего лета с душою смущённой лукавые шашни:
вся вдруг зардела, как на рассвете верхушки деревьев.
Польские сыроежки на мшистой коряжистой пашне
всходят – и мнится уж сеятель смуты Гришка Отрепьев.

Речью шуршат Посполитой росистые стёжки-дорожки,
и желтоногие белополяки, приветливо сдвинув
шляпы свои, подзывают издали, но в лукошке
тут же синеют, от местных в отличие белофиннов.

Разноплеменные листья смешала посмертная участь.
Разновременные лица в дебрях былого... И век сей,
там пребывает уже, чуть проклюнувшись и озвучась
в сопоставлениях вольных, в поэтике тихих аннексий.

Ею же взятый в полон, невоинственный Вяйнямейнен
в чашу заводит словесную, в непроходимые топи
и затаясь наблюдает с пристальным недоумением
корчи славянских корней в борьбе мессианских утопий.

Буферной зоны букварь обнажает следы катастрофы,
после которой какая поэзия! Царство распада,
княжество тлена – её ненадёжные лимитрофы,
где каждый куст метафор – провокация или засада.

Сколько в него ни стреляй – не найдёт виноватого пуля.
Сколько снегов растаяло с майнильского инцидента!
Что-то в потёмках скрывая, какой-то сполох карауля,
память истории рвётся, как старая кинолента.

Вижу другие возможности для продвиженья (другая так вот нам брезжила жизнь у имперских окраин остзейских). Медлю, колеблюсь, но всё же, со вздохом их отвергая, внутренний строй сохраняю и внутренних полицейских.

Ритмы лесных барабанщиков поработают волю, тон задают и размер, чтобы снайперски взять на мушку неуследимую суть по всему смысловому полю, ориентируя слух на невидимую кукушку.

Освободиться не в силах от прелести и капризов мраморной нимфы по имени Эхо, стыдливо рифмую с трепетом лепет, звучащий в акустике новой как вызов. Сквозь бурелом заклинаний на речь выбираюсь прямою.

Спите, герои полночные! Мир вашим дóмам подземным! Мир блиндажам-погребам! Да не будет вовек потревожен сон ваш ни шорохом мыши летучей, ни рёвом стозевным! Плач из надтреснутой лиры извлекаю, как меч из ножен.

Жду, когда выползут на симпатический снег в маскхалатах белым по белому буквы тех будущих маргиналий, что Настоящему не захватить: на полях заклятых искажено переводом недоступное в оригинале.

Стражи просодии отчей! Ряды ваши нынче редуют. На пограничной заставе иные не помнят присяги... Но, обветшав и обвиснув, ещё золотятся и рдеют над полувнятными тропами ваши опальные стяги.

2008

* * *

Великую тайну великой войны
архивы небес разглашать не вольны,
покуда неверная память о ней
кишит саламандрами вечных огней –
и чтоб ни один ни на миг не погас,
к ним бесперебойно подводится газ.
Пусть смуту не сеют догадки вразброд!
Неведение объединяет народ –
невинен, а значит и не виноват:
живым не обидно, а мёртвым виват!
Не дремлют враги, окопавшись вокруг,
но всё контролирует жрец-политрук.
Покровом победы на тысячи миль –
небесная манна, архивная пыль.

2009

* * *

Что-то сверкнуло в глаза,
и тишина взорвалась...
Ну, наконец-то гроза!
Всё надоело... Не сглазь!
Что как пройдёт стороной?..
Друг мой! Тряхнём стариной,
чтобы земля сотряслась!

2007

* * *

От цветочной от лужайки,
где когда-то в детстве ты,
до последней до лежанки,
где опять кругом цветы,
сам, двоясь в подобных видах,
распустился и поблек –
жизнь твоя как вдох и выдох,
человек-недолговек.

2008

ИЛЬИЧЁВ

Чумовой мазохизм: быть рабом своей темы,
чья малейшая прихоть, любой каприз
сладким гнётом гнетёт вариаций, реприз.
Как прекрасна! Как непредсказуема! – тем и
подчиняет рассудок и волю: ундина
из глубин путеводных, из тёмных вод
подаёт сигналы, зовёт и зовёт
своего верноподданного паладина.
Ибо каждая партия согласно программе
да исполнится так, будто завершена
в совершенстве! – и над головой тишина,
напоследок плеснув, разойдётся кругами.

2008

* * *

Благовестие Тертуллиана
утешает: душа человека
по природе и впрямь христианка.
Но первичная эта ячейка
в горнем неводе геннисаретском
уловляет в зыбях богоносных
только сны свои, коих посредством
жизнь спешит обустроить спросонок.
Впрок насыщена небом насущным,
не поддастся волнам тем и брызгам.
Дух извне чуть повеет – кощунством
заклеймён будет, бдительно изгнан
рыком общего вещего чрева.
Почва веры тверда, камениста,
потому что душа человека
по природе к тому ж коммунистка.

2006

* * *

Он их преследует повсюду –
верней, не он, а страх его,
подобный внутреннему зуду,
пытающему естество.
Питает так, что и поста нет,
а только ненависть в глазах,
пока он темою не станет
безеды их на небезах.

2007

ΙΧΘΥΣ

Столько веков пронизывали –
всё молчит глубина;
ждёт ли стенаний, вызова ли:
Отче наш, вот те на!

Чуть лишь блеснёт – и вы уже на
подступах к тайне, на
том берегу, где выужена,
извлечена со дна.

Буквы, как сети быстрые те,
сложатся доясна.
Что же, толкуя, выстроите –
лишь достоянье сна.

С явью не сопрягаемая,
боль глухая одна
– самая дорогая моя –
в сердце возведена:

морю скорбей сестра живая,
Истина и стена –
посуху, отгораживая
мёртвые времена.

2006

БАСНЯ

– Святые наши принципы незыблемы!
За них сражались мы, страдали мы и гибли мы! –
вещал Верховный Хищник перед вечем
нечеловечьим, –

А кто над ними, злопыхая, скалится,
у тех Державная повыбьет зубья Палица!

Тут на минутку
всем стало жутко,
но разъяснение последовало: шутка!

Встречаются и ортодоксы с юмором –
как исключение, как парадокс, оксюморон.

2008

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Они отродясь пребывают над,
откуда глядят отрешённо сквозь,
знают они, что кроется под,
и никогда не опустятся до.

Они никогда не трепещут пред.
Они никогда не выходят из.
Универсально их средство от,
хотя и вполне обходятся без.

Не привлекает их аттракцион
борьбы со временем и судьбой.
Им атараксия – как наркоз.
Яды идей подавляют боль.

Что беспощадный народный бунт,
что неотмирный имперский блеск –
закономерность во всём найдут,
для смакованья найдут предмет.

Легко им и тех, и тех осудить,
легко им и тех, и тех оправдать.
История вся в арсенале их,
ибо сама болезнь высока.

Взгляд их настолько широк, что шар
одновременно со всех сторон
виден земной им. От Упанишад
упадка не знал их бессмертный род.

Они, разумно не ставя на,
тешатся существованьем при,
для его столь, сколь потребно для,
топчутся у, забывая о.

Они победительны, как бы ни,
ибо привыкли действовать по.
Глупо страдать, они знают, за.
Вся их система застыла вне.

2007

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

1

Не приближайся, округлив
зрачки, к высококнижной цели!
Сотрётся, как иероглиф –
и никакой теодицеи!
Трезвей, душа моя, скорей!
Ни просветления, ни чуда
не жди! Надеждою не грей
стареющую плоть, покуда
смирennemудрая Земля
под совершенномудрым Небом
выписывает вензеля
и тяжелеет ширпотребом!

2

Уставясь в западную овидь,
всё тасовала голова
пустые мысли о России,
что только образа просили
и всё взаимно обусловить
сливались буквами в слова.
Вином заката из *бокала*
залиты были *облака*...
Гляди, какая анаграмма!
Меж тем, она перетекала
в узор, что, словно гексограмма,
сказать бы мог наверняка,
какие перемены ждут нас.
Полоски только посчитай! –
две жёлтых, розовых четыре...
Грядущего краса и жуткость –
в пяти сплошных, одном пунктире...
И да поможет нам Китай!

Зачем на Запад? Лучше на Восток
сориентировать все наши перспективы,
и первенец такой альтернативы –
Китай – и жизнестоек, и жесток.
Помягче – Индия. Не счесть её сокровищ,
а родине слонов друг и товарищ
едва ль родней найдётся и верней.
Пускай индокитайская культура
кой-как нас доведёт до Сингапура!
Кой-что возьмём у каждой из Корей,
и ринемся к Японии скорей.
Ориентальный путь, покойным Солжем
встречь проторённый, далее продолжим
и устремимся через океан
в Америку... А Запад что? Обман!

2009

ЭКСКУРСИЯ

Несбыточных в плену воспоминаний,
по стенам безысходных галерей
пейзажи и портреты... домик няни
и Пушкин в ссылке после лагерей.

Какой-то холм... должно быть, городище
Воронич, а вдали – Воронеж: там
бомжует со своей подругой нищей
воздухокрад отпетый Мандельштам.

От города Платонова – к Платону:
в поэтах государству нет нужды! –
поэтому их гонит, как Латону,
и жаждою пытается у воды.

Ведь знает, до чего договориться
они способны, дай лишь волю им!
И ни о чём нельзя договориться –
столь чужды отношеньям деловым!

Иные связи в языке и в жизни
установив, несбыточных в плену
воспоминаний о другой отчизне,
они времён срывают пелену.

Из глубины банального пейзажа
кусты навстречу выбегают к ним,
втемяшивая: *собственность есть кража*
и превращаясь в анархисток-нимф.

Вот и Овидий... Ведь любая ссылка
на прошлое о том же говорит,
мрак раздвигает зрением затылка,
для будущего ищет алгоритм.

От сотворенья до армагеддона
все чайня стекаются туда,
где ловится из чистого прудона
рыбёшка золотая без труда.

А время что? Туман... Всё не об этом
стрекозы над поверхностью кружат.
И разве можно доверять поэтам?
Для них везде распахнут настезь ад.

Айдесскою прохладой манит пекло.
Обманываться рады – вскользь, несбы-
точных в плену воспоминаний, бегло
вода по строчкам собственной судьбы.

2009

* * *

То ли чайник закипает на кухне,
то ли вьюга за окном гудит,
завывает – эх, дубинушка, ухнем! –
отзываясь тихим всхлипом в груди.

Оглушённая ударными с медью –
подкатил мусоровоз к ушам –
в яму ухнула спросонок душа:
пробудиться предпочла своей смертью.

2008

* * *

Опавшие листья лежат на бесплодной земле.
Сказал и почувствовал сразу, как стало легко мое
дыхание. В памяти вспыхнув, лексемы знакомые
остаточным тлели огнём, словно угли в золе.

Опавшие листья, опасные мысли мои
об этой злосчастной земле – за приплодом приплод она
гноит на корню, вся-то заживо нами изглодана –
молчи, шелестели, скрывайся, шуршали, таи!

Грибов нынче мало, а если найдётся какой –
не налюбоваться! Надрежешь – увы, в червоточинах...
Последний десант своих вестников рассредоточенных
исторгла земля, со святыми её упокой.

То втайне следили за мной, то смотрели в упор,
как смерти внезапные буквы, – и в этой эпистоле
на мшистом пергаменте ясно в постскриптуме издали
читался все тропы сводивший к себе мухомор.

2006

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

1. ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Вотще мечтать о песнях рая,
от отвращения умирая,
чураясь правильных орбит.
Но пусть не покоробит лиру
врождённая враждебность миру
и ангелов не оскорбит!

Когда в сердцах, когда от сердца,
когда как взрывчатое скерцо
в постылых гаммах бытия –
о, Ненависть! – ты виртуозней
импровизатора всех козней:
прекрасна музыка твоя!

Коль в воздухе зависла, то и
рушь все основы, все устои,
режь слух и разбивай скрижаль!
Отрадны старому неряхе
все эти диссонансы, крахи –
и самого себя не жаль.

2. VOX POPULI

Да на хрена вы нам нужны,
кто у кормила и кормушки!
Гребите вволю из казны!
Мы не должны вам ни полушки.

На подковёрную борьбу
кремлёвских банкформирований
плевать нам, видели в гробу
мы ваш питомник тараканий!

Что в ящике ни изрекли б –
всё блеф и лажа; что ни рожа –
мелькает, как рекламный клип,
с гламурной задницею схожа.

Сосите скважины свои,
друг друга избирайте сами,
дуря широкие слои,
что без мозгов, но с голосами!

Пусть миру пыль в глаза:
единство дивное какое!
Считайте наши *против* – *за*!
Оставьте только нас в покое!

3. VICE VERSA

Они внушали нам, что Бога нет,
теперь внушают, что наоборот,
хвалу Ему поют под звон монет –
и нас уже сомнение берёт:
они же ведь не могут, чтоб не лгать,
и если Бог готов им помогать –
всех их манипуляций быть слугой,
то, может быть, и бог у них другой?

4. К СОГРАЖДАНАМ

Неужто вы и в самом деле
всего, что чаяли, добились?
Такой порядок вы хотели?
Такою мать вашу стабильность?

5. ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

Со всех сторон нас обложили,
а Смольный потерпеть просил.
Вотще молебен отслужили
мы от нашествия злых сил.
И в безнадежности одно лишь
есть упование под рукой:
душевных травм не обезболишь,
но верь, товарищ дорогой,
что отольются наши слёзки,
что вурдалак найдёт свой кол,
что беглых паханов кремлёвских
ещё отловит Интерпол!

6. ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ СТРАШИЛКА

Вот-вот встанут воды-заводы,
засохнут поля-тополя,
тяжёлые роды свободы
стране загулявшей суля –
с потерей сознания и крови
и с риском для жизни самой.
Дитя же в неистовом рёве
потребует пищи земной –
и в смуте голодного бунта
сметётся поганая хунта.

2007-2009

КИНОХРОНИКА

Россия без Распутина... Рев улицы
за кадром. Трубадура ампула б
сменить на роль герольда Революции,
ее героев слава!.. Blow-up
знакомый облик из толпы статистов
выхватывает... неужели Блок?
Приближен к нам, как страшно он далек!
Но ветер, воздух рвущий, так неистов,
что горе всем буржуйам, и в дыму
бурлит, жужжит неугомонный улей
над Временем. Прислушаться к нему –
и различим: «Не трусъ! Пальнем-ка пулей!»
«Милиция с народом – не служи
уродам!» Не стихает, власть ругая.
Та перейти к насилию от лжи
уже готова. «Нам нужна другая
Россия!» – И получите, твердит
высоколобый опыт исторический.
Угрозою то красной, то коричневой
его аргументирован вердикт.

Всё – ничего ему.
Только они
с каждым – по-своему,
чтобы ни-ни!
Тот ли, кто в ярости
рвал и метал –
хищный на старости,
чтит капитал?
Видно по глазкам:
властью обласкан!
Видно по личику:
сыт – и, круглясь,
кроет политику:
это же грязь!

Нет, это не политика – стихия!
Блажен не затыкающий ушей,
когда года господствуют глухие,
ослушников гонящие взашей.
Он слышит всё. Кто пульс толпы нащупал,
того дежурный журналистский жупел
едва ли взять способен на испуг.
Прельстился поджигательными фразами,
внял темным силам, повредился в разуме –
стена непонимания вокруг
незыблема, но явственны раскаты
того метафизического зла,
которого посредством баррикады
не разделить. Проклятого узла
России не распутать...

2007

* * *

выхаживал незнамо что то есть
кого больную может быть совесть
прихрамывая взад вперёд мимо
всего что лезло из углов мнимо
болящий дух целил шагов стуком
ужо вам тростью громыхал *сукам*
кренился набок всем своим весом
всё задевал взывал хромым бесом
читал по шишкам синякам блямбам
что впрок наговорил хромым ямбом

2010

БЕЗ ВСЯКИХ ЗАТЕЙ

Два Димы, Билан и Медведев,
царь-Путин и Ксюша Собчак,
очаг тёмных сил обезвредив,
хранят наш домашний очаг.

А также ещё два Андрея,
Аршавин и дьякон-отец,
спешат к нам, надеждами грея,
по первому зову сердец.

Быть может, ещё Жириновский,
Задорнов, быть может, ещё...
Прикроют и эти обноски
бурлацкого тела плечо.

Вполне соразмерны уютным
углам тесноватых квартир –
как лары, они предстают нам
и тихо журчат, как сортир.

2010

ИНФОРМАЦИЯ

Там льётся кровь – там холод, мрак, разор
врываються в уютную обитель...

Пустеющей корзины потребитель
встречает Новый год, вперяя взор
в томительно мелькающий узор
для ткани: Тель-Авив и сектор Газа
для канитель, а вивисектор газа
в междуславянский вклинился зазор,
и глядь – в мозгу бессмысленный обзор...
Геката ложесна свои разверзнет –
и глядь: ни узелков, ни контроверз нет
на мягком ложе сна. Один позор.

2009

* * *

Держатся стаей собаки бродячие,
жмутся друг к дружке бомжи...
Слов нет – одно вторсырьё, второбрачие
стёршихся, что ни скажи.

Не охватить сердцезреньем притупленным,
в такт всё никак не попасть...
Морщимся: пресен общественный суп ли нам?
куцые страсти не всласть?

Этот удел неприкаянных особей
так ли уж нам не знаком:
жить невпопад, не заботясь о способе,
чуть шевеля языком?

Вся беспризорного мира нелепица
держит наш разум в плену,
волю сулит, к несказанному лепится,
глухо скулит на луну.

2006

На болоте Ламмин-Суо
Гена больше не живёт.
Уж не встретит нас в лесу он,
как встречал из года в год,
и на чай не зазовёт.
На болоте Ламмин-Суо
Гена больше не живёт.

Лес прозрачный, оглашаем
грустной Максы гулким лаем,
затуманился слезой...
Подбежит – и приласкаем:
охраняй заказник свой,
Макса, с верностью незлой!

Здесь когда-то жили финны,
и неловко как-то нам,
оккупантам-грибникам,
хоть едва ли в чём повинны,
шастать по чужим холмам.

На болоте Ламмин-Суо
финны больше не живут.
Тяжелеет совесть, сука,
но грибы, грибы зовут!

2008

БОЛОТНАЯ СТАНЦИЯ

Нарциссом застыв над Невой,
Петрополь не подозревает,
что невдалеке от него
судьбы эмбрион созревает –
и Мойр кабинет теневой
работает именно тут!
Чужим непонятен их труд:
торят свои тайные тропы,
дитю навьих чар гороскопы
из флоры болотной плетут.
Зачем-то им уровень важен
грунтовых невидимых вод,
и каждое утро обход
в лесу пробуравленных скважин
они совершают. – На сажень
сегодня повыше. Вот-вот
болотные вспенятся воды,
и судя по стокам – пора!
Но снова отложены роды.
...Быть может, последние годы
каприз доживает Петра.

2009

Лес после бури.
В его развороченной арматуре
орудует сварщик-рассвет.
И в мозгу моём то же, что и в прищуре:
бурелом и надежды нет –
в сторону отведу ли, ввысь ли
взоры свои возведу и мысли –
что восстановится прежний строй
под облупившеюся корой.
Переступая стволы поверженных сосен,
перехожу незаметно границу эпох.
Все тропинки ведут мою жизнь через осень
в вечный морок, и он не так уж несносен:
серебристые проседи, старость и мох.
Так, блаженным неведением ведома,
она вдруг остановится возле останков чужой,
что ветром истории сметена: фундамент финского дома,
ступени замшелые в погреб. Изъедено ржой
колесо от велосипеда. Трудов муравьиных
вавилон опустевший, природа в руинах –
иллюстрация к памяти: всё кое-как позади.
Разрушенных связей мицелий
уводит от цели.
Но что-то из этих слепых блужданий должно взойти.
Сам безнадежный поиск пути,
осенённый шорохом-шелестом, щебетом птичьим,
поставляет строительный материал
для воздушных замков и насыщает величием
образы те, которые ум потерял,
сами утраты, чей смысл невозможно постичь им.
Хаотичность, обрывочность, зыбкость новый состав красоты
предлагают, и здесь не Вергилий – Новалис
мог бы сталкером стать. Совершенные формы пусты.
Этот лес – как старое кладбище, где покосились кресты
и последние истины обосновались.

2007

III

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ

1.

В начале *было* Слово... Так язык
опутал всё, что, как во сне, с тех пор мы
во времени, чьи узы и азы
к былому нас в плену глагольной формы
привязывают, – в настоящем жить
обречены, покуда не разбудит
то Слово, что прорвёт, как сети лжи,
тьму времени, которого не будет.

2.

Как всё вокруг бело и пусто,
к тому пределу мысль гоня,
где жизни нет – последствий сгусток,
лишённый влаги и огня!
Что проявит иное пламя,
тьмой сжатое? Чей след смогу
прочитать там, как вкраплённый в память
узор урины на снегу?

2007

ФАНТАЗИЯ

Москва в огне. Петрополь под водой.
Карающий во гневе на Россию
легко определяет выбор свой –
какую где использовать стихию.

Рой саламандр над стенами Кремля
взвивается трескучею шутихой.
Русалки извиваются, суля
на дне Невы разливы неги тихой.

Звонят всё глуше сорок сороков.
Сигналы SOS доносятся все реже...
Да где же Богородицын Покров,
апостола Петра святые mreжи?

Георгий всё никак не поразит
копьём победным огненного змея.
Под гордыми дворцами грунт размыт.
Всё гибнет, ничего не разумея...

Там, где голландский люгер затонул,
скользит всё тот же утлый чёлн карела.
На склонах Воробьёвых гор – аул.
Затоплен Петербург. Москва сгорела...

Но вечно ищет рогоносец Пьер
в квартире 50 Наполеона.
И вечен конной статуи карьер
в расколоте сознания Родиона.

2005

1905

Не вы ли, жрецы кириллицы, забыли азы? Уста ли
Невы, божественной карлицы, вотще лепетать устали?

Пустеет алтарь. Оракул к литаниям вашим глух.
Вестей о былом и будущем не различает слух.

Годами ждут эти волны, принявшие образ Леты,
когда войдут в резонанс мостов разомкнуть браслеты.

Из топей чухонских скоро ли их демоны вырвутся, чтоб
из топота конских копыт зачались трус и потоп?

Ночами белыми сводится любой негатив к позитиву,
началом прошлого века запруживая перспективу.

Не Зевс ли вами прогневан? Менады валом грозят
на Невский хлынуть, и вот уже Смольный, как Зимний, взят.

И вот, полыхнув кануном, в лучах двух зорь багровея,
из вод, повернувших вспять, всплыла голова Орфея.

2009

ПОСЛЕДНЯЯ БИФУРКАЦИЯ

Холодно. Ход свой замедлило время. Целыми днями ум во тьме ледяной
пребывает.

Дремлется и непонятно: снится ли, мнится ли, будто Земля остывает
в опровержение грозных прогнозов глобального потепления.

Арктика в сговор вступила с Антарктикой. Обществу потребления
с его экспедиционными корпусами, с конкурентной борьбой за приоритет
в командных ставках на полюсах подготовлен адекватный ответ.

Одновременно двинуты силы сверху и снизу. Возмездие ждёт ойкумену.
Наносится первый удар по коммуникациям, водоснабжению, теплообмену.
Канаду уже доконали. Дрожит всемогущий сосед. Аляска зубами лязгает.
Лысеет спина евразавра, а три флотилии айсбергов
подходят к Австралии, Африке, Южной Америке. Огненная Земля
заиндевила. Новую Зеландию заживо метель замела.

Везде у заговорщиц имеются геополитические интересы.

В Японии – эпидемия харакири: заморожены все прогрессы.

Китайский притих муравейник, а наши просторы застелены
духовнейшими простынями без американской зелени.

Для премьер-министра единой Европы в Лихтенштейне буравят вечную
мерзлоту,

чтобы бункер под ней оборудовать. Только чистый разум останется на посту
в новом мире, воистину биполярном и экологически чистом,
где холодный расчёт ледяным подчиняется числам
согласно степановской универсальной концепции¹,
где во имя высшей идеи культурушка гибнет – процентщица.

Как рубахой смирительно-свадебной, сиянием белых одежд
нивелирован многообразный рельеф. Истории многофазный сюжет
истёрт в проклятых торосах под скрежет любовный,
а её долгожданный конец абсолютной пронизан свободой.

Мировой океан стекленеет. У экватора сходятся обе союзные армии,
сферы влияния делят, как тайная конференция определила заранее.

Рациональному бессознательному в чистые руки передаются бразды
правления. В общем, такая конспирология, что сионские мудрецы

---

¹ А. Степанов. «Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории». Москва, «Языки славянской культуры», 2004.

отдыхают в вечных снегах Кордильер, Гималаев и Килиманджаро,
где, упоены освоением *tea incognita*, как нового жанра,
пингвины с медведями белыми воссоединение празднуют –
и жалко нас всех, отлучённых от этого пира прекрасного:
не про нас сокровенная манна и камень бел,
ибо, кристаллизуясь, мечтания свой обретают предел.

2006

ПЕТАРДЫ

Новолетия радость беспечна,
и её в одночасье пожрёт
самовластного времени печка,
только искры даря от щедрот.
Растворит их бездонное небо.
Отгуляв, отрезвеет народ
и потащится сонно и немо
к предначертанной цели, вперёд.
Впереди остаётся всё меньше...
Дым всё гуще, всё ближе черёд...
Искры гаснут, и жизнь всё кромешней,
и всё внятней обратный отсчёт.

2007

* * *

Канонизировать Ивана-дурака –
и больше не указ ни Бог, ни бес нам,
и в тридевятом Царствии Небесном
владыкой будет нам своя рука.

Колечко стоит только повернуть ей
на безымянном пальчике своём,
как вспучится Горыныч на распутье –
мы величание и этому споём!

А там и Чорта Лысого с Кощеем
причислим к лику
и всю клику их...

Лиха беда
начальник лих,
но льнут идеи наши к лиходеям.

2006

* * *

Ну, и как же Тебе Твоя новая, Господи, паства?
Чревеса ублажила – взалкала духовного яства;
    нарастающие доходы –
    в процветающие приходы;
    на покров на верховный – мыто;
    десятину от суммы отмытой –
на очищение души, возведение элитного храма,
да на паперти чтобы стояла бдительная охрана –
    в камуфляже мордороты-малюты,
    а в притворе был пункт приёма валюты.
Вдруг выпорхнув из головы обритой,
восхищена мысль запредельной орбитой:
хорошо бы по западному канону
угодить когда-нибудь на икону,
воспользоваться заслуженным правом
донатора щедрого – в нижнем правом
углу на коленях в плаще атласном,
как пример противостоянья соблазнам.

Ты снисходителен: пусть пасутся –
мол, не судите: а вдруг спасутся?

2006

АРХИТЕКТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ

Сергею Стратановскому

Разместить Министерство Культуры в культурной столице.
Возвести небоскрёб в виде монументальной фигуры *столицей*:
бакенбарды кудрявые Пушкина, длиннородый Толстой,
омский каторжник, мир обещающий спасти красотой,
Мефистофель-Шаляпин и добрый хозяин Пенатов,
Фальконе и Кшесинская, бюсты царей-меценатов
и так далее... Где? Разумеется, в Летнем саду.
А взропщут деревья и статуи – выселить их по суду!
Лебединое озеро на бельведере музейном
для гостей именитых послужит открытым бассейном.
Запорожцы, как сивые голуби, будут над ним нависать
и послания вилами в фонды ЮНЕСКО писать.
Посадить Баснописца, привыкшего нянчить детей беззаботных,
охранять и кормить заточённых в подвальных вольерах животных.
Углубить и расширить Лебяжью канавку: в неё крейсера
заходить будут на торжества юбилейные *et cetera*.
В многоярусном апофеозе девятого вала нахлынут
все деяния нашего Духа и музыкой вечной застынут.
Станиславский все нити бессмертной системы сматает в клубок –
и над всеми культурами с крыши сиять будет наш Колобок.

2006

АНТИГЛОБАЛИСТСКОЕ

в утешение жене

Фрагменты будущей России
так упоительно читать –
через перси, чресла и запястья
былую прозревая стать,

как Абсолют непостижимый,
как тайну сущности ея,
как высший лад прикосновений
через грубый хаос бытия!

Ужели расширять пределы
была дана нам свыше цель?
В каком предписано завете
объединение земель?

Ко всем пережитым кошмарам
оно-то нас и привело:
ведь доля каждого ничтожней,
чем больше общее число.

На интеграцию Европы
достойным будет наш ответ:
дезинтеграция пространства
и личности приоритет.

Так разойдёмся полюбовно
по малым родинам своим!
А что до языка и веры –
их тем вернее отстоим!

Кто что имеет, что умеет,
тот то и будет поставлять
на общий построссийский рынок
и нужд по мере – потреблять.

Поедут самовар и пряник
в Пермь пряником от туляков.
Рязания свои распевы
отправит на гастроли в Псков.

Ичкерия вражду забудет,
на нефти строя свой бюджет.
Посредством сливочного масла
и нежных кружевных манжет

разбогатеет Вологдея.
Алтай же дефицит лекарств
покроет и понизит смертность
на землях новых государств.

Найдут карельская берёза
с сибирским кедром спрос в Туве,
и проклинать Москву, хапугу,
не будут в Коми и Мордве.

Татары, чукчи, камчадалы,
самарцы и костромичи,
калмыки, вятичи, башкиры
и омичи, и томичи –

воспрянут все субъекты, комплекс
провинциальности избыв.
Давайте, братья, разделяться!
Один у нас императив!

Пускай у всех – своя валюта,
свои ресурсы и сырьё,
свои традиции, законы
и всё, всё, всё, всё – своё!

После развода две столицы
забудут, кто отец, кто мать.
За выход к морю с москвитов
мы будем пошлину взимать.

И песнь затянут херувимы,
возликовав на небеси,
и на земли ея подхватим,
а Патриарх всея Руси

благословит: «Живите мирно!
Разъединяйтесь дальше – вплоть
до веси, части, до квартала!
И да поможет вам Господь!

Ведь из провинции Спаситель
явился в мир, из Назаре-
та, целокупная Россия –
в любой росинке на заре!

И сколько бы перегородок
мы на Земле, в борьбе и без,
ни возводили, все – непрочны
и не доходят до небес!»

Рассеется сей мегаэтнос.
Из семени его взойдут
иные племена, а те уж
культуры новые дадут.

Нужны свои нам Люксембурги,
свои Андорры, Сан-Мари-
но есть ли аргументы против
самостоятельной Твери?

Построим новую систему,
осознавая вместе с тем,
что зыбки и её основы –
и нет законченных систем.

Из клетки категориальной
вспорхнёт свободы воробей...
Минимализм – конец утопий,
конец глобальных эпопей.

Идеей сей национальной
сплотимся, и тогда-то вот
Василев суверенный остров
от Петербурга отплывёт!

2006

GEORGIA

Штат Джорджия, измотан затяжным конфликтом с Южной Каролиной, вторгся в её пределы. Северная вмиг пришла на помощь, крейсера направив во все порта агрессора лихого, чтоб выход к океану перекрыть. Атланта без Атлантики осталась. Когда ж Флорида с Джорджией в альянс вступила, тотчас обе Каролины ретировались. Тут вдруг заявил штат Теннеси свой интерес исконный и бомбанул Майами, отвлекая войска Флориды на себя. А дальше и штаты Алабама с Аризонай не пожелали в стороне остаться... Локальная война всё расширялась, от штата к штату расплзалась, как огонь в сухом торфянике. И слухи при этом расплзались чёрным дымом, что всюду поджигатели, агенты спецслужб заокеанских, в госструктуры проникшие – то бишь рука Москвы...

26 августа 2008

СОВРЕМЕННЫЕ ВИРШИ В МАНЕРЕ АНГЕЛУСА СИЛЕЗИУСА

НЕБЕСНЫЙ КОМПЬЮТЕР

Верь: Тот, чья память — бесконечность гигабайт,
Во Царствии Своем на твой заглянет сайт!

О РАЗУМЕ БОЖЕСТВЕННОМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Исчерпан богопознавательный проект:
Премудрость Божья посрамила интеллект.

О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Другой почил во мне. Жаль, не успел постичь он,
Что самому себе Господь лишь идентичен.

ГНОСТИЧЕСКОЕ

Кем ангажированы ангелы, не вем.
Всё мироздание — в лесах теософем.

О МОНОПОЛИИ НА ИСТИНУ

Бог истину свою для актуализации
Доверил демонам демонополизации.

СТАРАЯ МЕТАФОРА

Мир – книга, что Творец, однажды раскрутив,
В бестселлер превратил, скрывая лейтмотив.

О ФАРИСЕЙСТВЕ

Везде, где дышит Бог, усердствуют химеры:
Эрзацы истины и симулякры веры.

2003-2005

ПРОЩАНИЕ С КНИГОЙ

О.С.

Выпадала – как дар, как манна.
Запечатывала уста.
Сокровенна была, туманна.
Оросила всех – и пуста.

Буквы кров покинули роем
и беззвучно снуют над ним.
Ничего не прочесть. Закроем.
Справим тризну и упраздним.

Знала всё. Оттого и места
на пиру невежд лишена.
Вот лежит на столе невеста.
Белым саваном – тишина.

Дорогие слова созвать бы,
чтоб явились во всей тщете.
Но к застолью унылой свадьбы,
страшно, если придут не те.

Уж как мы тебя читали-почитали!
Причитать пришло время, что ли?
Уберечь не смогли от смертельного жала –
слишком рано ты крылья сложила.
Уносила нас, бывало, далеко ты
от мирской суеты, от душевной смуты.
Мы за это с радостью мытарю-офене
отдавали последнее, что было в кармане.
Собирая с нас, людей твоих, подать
на приданое себе, собиралась ужли
с высоты полёта мысленного падать?
Пусть огонь спалит бумажные башли,
а тебя, нетленную, да не тронет,
жертву плоти древесной твоей да отринет!
Что молчишь? Не посмеиваешься ли втайне

над отчаянием нашим? Не скорбим ли втуне?
Не жестоко ли такими шутками верность
своего верноподданного пытаться народа?
Ах, уж эта юродская твоя неотмирность,
наша дурочка мудрая, наша отрада!
Пусть и наш тогда извергнется смех утробный
над тобой разразится, над непотребной,
над затёртой свальной вселенской давкой,
как мозги, запудренной, продажной девкой!
Нет, уж лучше слезами омоем, да взвоём воплем.
Не сердчай на нас, безутешных! Свечу затеплим.
И пусть с вечным Словом совершит венчанье
в обступающем мороке её свеченье!
И пусть дерево к дереву, прах к праху –
и под кипарисом вечнозелёным
залатаем на жизни смертную прореху
неумолчной музыкой, хором козлиным.
Править этим миром, как Римом Цезарь,
вновь явись, воскресни, как четверодневный Лазарь!
Станут буквы звёздами, просветится темень,
разрешит все печати Латырь бел камень.

Покидала – на произвол
новых благ и грядущих зол
оставляла свой белый терем.
Уж прости, коль уроним в грязь,
предадим тебя, сговорясь
втихаря с мутноглазым зверем.

Он-то начал ещё с тех пор,
как на миг заглянул во двор,
на престол твой высокий целить.
Что ж, теперь его торжество.
Это мы впустили его.
Были свитой, а ныне – челядь.

И в чаду бессловесных мук
вдруг услышим вкрадчивый стук.

Кто там? Кто нас пришёл утешить?
«Ваша мать пришла, вашу мать
не признали?» Тут шась и хватъ! –
ум за разум и в душу – нежить.

Увядает плакун-трава,
и плетутся вяло слова
по кладбищенской вязкой глине.
Тянет жизнь из нас кровосос.
Слепнут наши глаза от слёз.
Меркнет свет без тебя, книгиня!

2006

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

1

Молчанье долгое взыскует оправданий:
«Des embaas de toutes espèces...»
Как будто писано в трясущемся рыдване,
как будто гнал перо какой-то мелкий бес –
и почерк все следы ухабов тех и рытвин,
как перепады настроения, хранит:
то весел, то угрюм, то чуть ли не молитвен –
как тон и слог, он свой меняет вид.
Да что графологический анализ!
Такие обороты, что слова
заранее в своём бессилии признались –
и закружилась голова
неведомого адресата.
Что милостивый этот государь
уразумел в прочитанном? Утрата
контекста направляет вглубь и встарь.
«Не для того ли мы и жили, чтобы
грядущим поколениям послужить
уроком важным?» День бежит от злобы,
и, вроде, не о чем тужить.

2

Исповедальня в конверте:
чёрточки, петельки сплошь.
Будят, как петелы, черти
совесть уснувшую: «Ложь!»
Не объяснить адресату,
как был попутан, как влез
в дебри повлекших расплату
этих трухлявых словес.

3

Хохот надмирный сосватав
с бездною скорби,
можно в обход адресатов:

urbi et orbi.

Можно неистовым козням
кротко отдаться.

Можно, как с носом, остаться
с детищем поздним.

4

Проигрывать всё подчистую
и снова прощенья просить.
Осталось бумагу простую
слезами любви оросить.
А замысел новый за сценой
готовит иную игру,
парит, словно ангел бесценный,
зовёт не к ответу – к перу.
Изящные буквы, как бесы,
хитры и умелы весьма
под шорох суфлёрской завесы
письмо доводить до Письма.

5

Скучно сытому Антоше
и голодному Ванюше.
Варятся в московской каше
родственные души.
Несварением желудка
тот страдает – тот селёдкой
тыкан в морду, бит колодкой:
каждому несладко.
Хороши врачи немецкие,
да не все недуги плотские
им подвластны. Слезы детские
в три ручья, а бедушки
друг за другом так и нижутся.
Аз воздам – трепещет ижица.
Жизнь горька, но сладко пишется
на деревню дедушке.

6

Где жизнь, а где литература –
 порою трудно разобрать.
 Гнал бесоборец комиссара,
 и бесов подступала рать.
 И Клио в ту же дудку дула,
 и тенью грозной нависала
 над беглецом, а псевдоним
 судьбой позвякивал над ним:

«Вне закона объявил меня ты,
 идеалы чистые поправ.
 Но они и погранные – святы,
 и за весь народ, лишённый прав,
 я тебе взаимностью отвечу,
 в твоё царство возвращу билет.
 Верю в нашу будущую встречу
 за пределом этих бранных лет.
 От своих безумных вакханалий
 ты очнёшься разве что в аду.
 Никогда пред идиолом из стали –
 пред тобою – ниц я не паду».

Диктовала, знать, заграница
 и водила его перо
 вгорячах да, суля покров,
 подвела, и неужто Ницца –
 тот сакральный текст-бастион,
 недоступный известной фирме?
 Будь ты Фёдор, будь Родион –
 вездесущ текстолог Порфирий!

7

Где же исправления, помарки?
 Сохранились только на факсимиле...
 Гуттенберги-плюмбумы их вымели,
 как ненужный сор. Теперь и марки
 в прошлое вот-вот уйдут почтовые,
 чтоб в ночлежке филателистической
 трепетать перед последней вычисткой.

Смысл непостижим издалека:
бабочка застыла волоокая,
и, со дна прекраснотушно окая,
пузырится волжская лука.

8

Потом потомки смутнолицы
снимут с полки последний том,
вломясь, как тайная полиция,
беззастенчиво в частный дом.
Интимной жизни соглядатаи
все подтексты перетрясут –
и анекдоты бородатые
на последний предстанут суд.

9

Ну, вот и дописались. Доплясались
до печки, на которой отлежал
всю дурь свою наш лодырь. Вот и сами
лежим на ней, не чувствуя, как жар
уходит задушевный. Печь, как сани,
несёт, куда прикажем. Милый жанр
эпистолярный в прошлое уходит,
теснимый самозванцем-пугачом,
что удалью своей разгорячён,
но почему-то погружает в холод.

«...Что ж, так угодно было Богу!
Теперь молюсь я всякий час,
чтобы письмо дошло до вас
и Вы примчались на подмогу»

2007

ИЗ ПУСТОТЫ ВОЗВВХ

Во многой мудрости много печали.
Мне ж печалиться не о чем:
ведь как ни учили, ни поучали –
так и остался неучем.

Особого не было к высшим тайнам
выдано, видно, допуска.
Одним только веяньем их случайным
весь я выветрен допуста.

Пыльцу ветхолиственных инкунабул
тьма хранит чердака того,
что призраками забит дотесна был
замысла непочатого.

Ещё прорастёт, покоробив доски...
Странный шелест сквозь щели я
предслышу – тишайшие отголоски
радости воплощения.

2007

ХОРОШЕЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Владимиру Алексееву

Приснилось хорошее слово.
Не знаю, к чему приложить —
да чтобы без умысла злого
его существо обнажить;

да чтобы без всякой обиды
звучало, при этом открыв
уму всевозможные виды
на сей семантический взрыв.

Пуškai ни к чему не прицепят
его, как враждебный ярлык!
О, неименуемый трепет!
Кой смысл ему равновелик?

То так прилагаю, то эдак,
горюю, как немощно-сир,
как тѐмен, скажу напоследок,
мой *жидобязненный* мир!

2007

* * *

Скоро треснет скорлупа Петербурга,
и проклонется заморская Нюрка,
спесь имперскую уймёт-урезонит,
загугукает над ним, загудзонит
на матёром полугангстерском сленге.
Тут и демоны падут на коленки,
как Раскольников на площади людной,
и начнётся холуин абсолютный.
Пронесётся inferнальный торнадо,
девку блудную причешет как надо –
и потупятся Анютины глазки,
заглядевшись на посмертные маски.
Из подпольного сознания безумцы
выйдут в ауре улик и презумпций:
кто шинельку на костяк свой напялит,
кто клыки по-голливудски оскалит.
Так, великой посреди депрессухи,
на прощанье разгуляются духи –
игроки, царевубийцы, поэты –
так закружатся, что батюшки-светы!
Крупноблочные тем временем скифы
адаптируют летучие мифы,
и с досады плюнет Ося Бродвейский
на Литейный, будто в омут летейский.

2007

* * *

Членовредительствует Город-призывник,
не хочет в доблестных рядах служить Культуры,
чревоощает, прикусив язык:
тарарабумбия, заводит шуры-муры,
корысти ради, с пышкой-медсестрой,
с богиней белою сиюминутных сует.
Она признает, что не годен в строй,
прижмёт к своей груди и комиссует.

2008

* * *

Пушкин – русский человек
через двести лет.
Уж не нам ли, так сказав,
Гоголь подал знак?

Через четверть века срок
тем словам придёт –
и коснётся вещей струн
дедушка абсурд.

Развиваются в тиши
чудные черты.
Чью качает колыбель
ласковый хорей?

Уж не Пушкин ли опять?
Русская душа
в мерзопакости какой
воссияет вновь?

Гоголь отверзает клюв:
баюшки-баю, –
падает из-за кулис
и пластом лежит.

2007

* * *

Над времени иссохшим руслом
историк о народе русском –
когда он слаб, когда он в силе –
задумался: покорность или
глухая ненависть к тиранству
безмолвна по всему пространству
исследованной им стихии? –
и сделал выводы сухие.

Поэт ремаркой пресловутой
весь ужас, порождённый Смутой,
хотел означить, но смутился,
а смысл впоследствии сместился...
Всё тот же реквизит громоздкий.
Взошед на шаткие подмости,
народ безмолвствует. За сценой –
обрывки лексики обценной.

2007

* * *

Долго слушали мы золотые слова,
да и сами толкли по-пустому,
но, увы – как ни ухала совесть-сова –
поклонились тельцу золотому.

Нас, должно быть, не раз ещё надо взболтать
и прогнать по калёным ретортам,
чтоб лучу золотому ответил опять
мелкий отблеск в осадке растёртом.

2006

НАШ СИМВОЛ

Давно уж не босяк
напёрсточник-тартюф,
которому, продув,
хвалу возносит всяк.

Но сколько бы ни рос
доход с его словес,
едва ль имеет вес
на них растущий спрос.

Фальшивы и пусты,
и сам – каналья, шваль,
но выпустит едва ль
из-под своей пяты!

Всех купит задарма,
отправит всех ко дну,
поскольку на кону
доверчивость сама.

2009

КОНЕЦ ЮДОЦЕНТРИЗМА

Похоже, соль земли уже не солона...
Смените болевой регистр, умерьте
амбиции: всё глуше соло на
иерихонском инструменте!

Всё переменится – звенит в тиши дзин-дзин
тибетский колокольчик, и от моря
до моря завывает муэдзин,
приливам и отливам вторя.

Магической души отколотый кристалл
отныне костоломку на татами
пусть преломляет, пусть концы креста
загнёт и вертит под тамтамы!

Афразия и без несякнущей мощны
своё алмазно-золотое время
в рост пустит: ей подачки не нужны
постевропейского еврея.

Вернём же ей долгов несметных бумеранг
с процентом – те цифири на бумаге,
что в бум преобразились, в Sturm und Drang...
Вновь будем немощны и наги.

Остынет жертвенник – неужто каменеть,
оглядываясь на святые камни?
Там, где клокочет под песками нефть,
порхать неужто мотыльками?

Другой зон нас без остатка растворит,
и явится языкам бог Зиянье,
и некий новый будет фаворит
обучен хватке обезьяньей.

На сцену выведет он лунного слона,
впряжёт его в чужую мутотему –
и понесёт, растя свой смысл, она
дань инородному тотему.

Столкнётся будущее с прошлым – взрыв и крах
бесстрашно за кулисами обсудим
и, роль благоразумно проиграв,
значение обретём в абсурде.

И вновь подыщёт поражённый интеллект
зиянью трансцендентному синоним,
чтоб изъяснилось из руин тех лет,
коль славен наш Господь в Сионе.

2008

Мы

Новый Израиль ветшает,
вечный покой предвкушает.
Время гонений прошло.
Бремя креста тяжело.
Освободился – и ныне
вновь заблудился в пустыне.
В грёзах о грозном вожде
снова предался вражде.
Распространясь на полмира,
вновь сотворяет кумира
и в словоблудном дыму
жертвы приносит ему,
в жестоковыйном угаре
ближе к потомству Агари.
Что ему образ Христов?
Главное – к смерти готов!

2008

НАРЕКАЦИ

Какое небо небольшое!
Хоть берега и не видны,
но весть всплывает в зримом слое
голубкою из глубины.

Неоперённая – перната,
она спасение сулит.
Раздвинут глыбой Арарата
неумолимых Сил синклит.

И вновь надежда оживает
отчаянью наперекор
и мигом преодолевает
между Заветами зазор.

Отсчёт времён ещё не начат.
Конец времён уже зачат.
Слова, забывшие, что значат,
всего заманчивей звучат.

Они – ковчежцы и монстранцы
с частицами былых чудес.
Они – летучие посланцы,
устои в них теряют вес.

Непрочны связи над зыбями –
пунктиры путеводных звёзд...
Выносит блюдо с голубями
поэт-монах, забыв, что пост.

Напомнят гости. Он смутится,
но через несколько минут
воскреснут жареные птицы
и с блюда смертного вспорхнут.

Скорбям воркующим доверясь,
немеют ангелы, когда
вся жизнь – оправданная ересь
и отступившая вода.

2007

* * *

конец истории пора ей ставить памятник
позорный столб и триумфальный между
которыми дробящий воздух маятник
наглядно убивающий надежду
на передышку между недостойными
божественной любви и славы честной
властителями судеб между войнами
допустим первой и второй чеченской
или второй и третьей пунической
каких-то два всего тысячелетья с гаком
и никакой рефлексии панической
а крови аромат всё так же лаком
вновь жертву идолам приносим бесполезную
мним стало веселее и свободней
а это лишь игра теней над бездною
от вечного огня из преисподней

2008

* * *

Всё, что я сказать хочу,
застревает в горле комом...
Мотыльком мечусь, влекомым
на смертельную свечу.

Всё, что брезжило с пелён,
проявилось и предстало –
прозреваю запоздало,
истиной испепелён.

2009

AN DIE FREUDE

Радость! Орудуй в пустом руднике
старости – пламя небесное в недрах
памяти детства, его рудимент!
Теплись бестрепетно! Я ли твой недруг?

Благородных недугов моих
тайной владея неисповедимой,
что ты всё бредишь злосчастливым Эдипом
под неотвязный латентный мотив?

Помню, как ты, чудеса из осколков
зеркала Зигмундова творя,
чувствам смятенным сулила порядок
сквозь незатейливый калейдоскоп.

Тьмой не случившихся в жизни событий
ты загружала сознания подвал,
знаки-снаряды туда подавала
для отраженья ударов судьбы.

Лоб, оснащённый фонариком тусклым,
к вылазке вёл – и во мраке промозглом
я ощущаю себя, как Гаспар.
Вижу и слышу. Держусь до сих пор.

Есть ещё порох, пускай и взопревший
в порах под залежами запретов!
Есть ещё неподцензурные сны,
что доведут до признанья вины!

Неча на зеркало было кривое
с горя навешивать чёрных собак,
не ископаемых в общем забое,
где самому не взглянуть на себя.

К теме тщеты в разработке открытой
сопровожденье: годами зарытый
вой в одиночке всемирной тюрьмы,
где наше Я превращается в МЫ.

Что это? Ветер ночной на кладбище?
Хтоники гул? Обречённый мятеж
в том же разрезе?.. Миллионам скорбящих
внемли, Нечаянная! Утешь!

Призраки мы – и сейчас воплотимся...
Сколько осталось шагов, чтобы нам
высветился в лучах оптимизма
вечный оптический самообман?

2008

МЕТАЗОЙ

Стёрты границы. Законы, права
отшелестели, как дребеденьги.
Человечья единая нация встала на четвереньки.
Все культуры пожухли. Одна кормовая трава
после чреды мировых катаклизмов
мозговые плато покрывает, лезет из всех щелей
рассыхающейся коры, из морщин на челе
века сего, не давая из рокота смыслов
выхолощенной системы внятное что-то извлечь...
В штольне Платона – творении зодчего Карста –
корчатся тени забытых понятий, журчит учёная речь,
тщась втолковать шкодливым издателям визгов,
что для их предков далёких значил фетиш *государство*.

2008

ПРОАНТРОП

Биологический наш вид
ещё природе предстоит
очеловечить:
прямоходящее отнюдь
не лишним будет чуть пригнуть,
чуть изувечить
и кой-чего лишить к тому ж,
привычного его уму,
чтоб научился
иному (лучше – после нас!)
охотник первобытный на
слова и числа,
чья эра – в сущности, пустяк,
на эволюции путях –
лишь полустанок,
где эфемерный удалец
под толщей лет схоронит след
своих стоянок.

2009

* * *

Ущербность шелкопёрства
и чтения тщета...
Всё так же сердце чёрство
и совесть нечиста.

Всё тот же гул словесный
и водит, и ведёт.
Всё тот же дух болезный
покоя не даёт.

Все ощущения резче,
бумажной лишены
защиты от зловещей
грядущей тишины.

Кто смысл в тех дебрях сыщет,
где между строк-ветвей
не щёлкает, не свищет
полнощный соловей?

2009

РЕЧНЫЕ ЗАВОДИ

Ушёл из Поднебесной Лао Дань.

Алексей Ильичёв

Жёлтые зажглись фонарики
в тихих заводах Тоска-реки
на нетонущих плотах.
Речки Паузы излучины
ярким праздником озвучены,
ярмаркой жуков и птах.

Эльфы с мошками, русалочки
с рыбками играют в салочки...
Как ни устремлён в мейнстрим
современный мир, а скоро ведь
будет втянут в ту же коловерть,
что и Греция и Рим.

В сети вздора краснобайского
тень мотивчика китайского
ненароком проскользнёт,
над водой раздвинет кустики
и уже в другой акустике
ноту чистую возьмёт:

«Синь! Ликуй, чуди по поводу
юности без вёдер по воду!
Утоли ей на ходу
жажду! Ясные глаза води
лиц в зыбях зелёной заводи!
Дунь в бамбуквицу-дуду!»

Луч-шалун под шалью шёлковой
шарит – может быть, нашёл кого? –
побледнел, оцепенел,
замер на невнятном замысле –
лучник, спрятавшийся в заросли,
тигра взявший на прицел...

Жёлтые плывут фонарики...
То Суоми, то Гардарики
с берегов глядят им вслед.
То ли дао, то ли сатори –
каждый островок в фарватере
зыбких медленных бесед.

Речь Тоски безостановочна.
Плеском пленена, Дюймовочка
ждёт вестей от стрекозы.
Водоёмы ильичёвские –
как мотивы ильичёвские –
в переводе на янцзы.

июль 2009 пос. Ильичёво

* * *

Неблагозвучны вы, песни мои.
Неблаговидны ваши мотивы
и далеки от кастальской струи.

Ключ к сокровенному тщитесь найти вы –
мечетесь только над свалкой гнилой,
суетны слишком, слишком ретивы!

Что вам до схватки, гудящей хулой?
Воздух чем выше, тем чище над нею.
Солнце – да здравствует! Тучи – долой!

Полно кружить, разнося ахинею,
перекликаясь друг с другом впотьмах!
Ахаю вслед вам и цепенею,

той, лебединой, предчувствуя взмах.

2007

ГЕОРГ ГЕЙМ

16 января 1912

бежать от будущего чей зловещий гул
всё явственней тому кто заглянул
в прозор времён в сосуд где горсть оживших гранул
рельефными виденьями на дне
о предстоявшем как о судном дне
давала знать и с ужасом отпрянул

бежать от приступов тоски оцепенев
сквозь гниль и гнусь прозрев грядущий гнев
и трансмутацию невыразимой смуты
в драконов чёрных бешеную рать
над обречённым городом и рвать
реальности ослабленные путы

бежать от шелестов чумных газет и крон
унтер ден линден от со всех сторон
обставших призраков от судьбоносных знаков
читавшихся повсюду как следы
предвестия в предместиях беды
жертв жерновов её заранее оплакав

бежать от брезжившего по наитью по
брусчатке мимо коробов депо
пакгаузов пандоры и беллоны
дымивших на рассвете пробудясь
бессонниц душевных смрад и лязг и грязь
груза в готовые к отправке эшелоны

бежать от незнакомого лица
днесь в лету канувшего века-подлеца
преступные с младенчества повадки
в чертах его невинных распознав
предугадав и вероломный нрав
и мощь палаческой необоримой хватки

бежать от неизбежного скользя
ему навстречу зыбкая стезя
покуда как струна не оборвётся
покуда музыка застыв не рухнет вдруг
артикулируя в руинах новый звук
устаами юного первопроходца

бежать от будущего к берегу реки
свои катящей воды вопреки
оковам ледяным и как прибрежный тальник
свидетельствует ухнуть в глубину
Три месяца спустя пойдёт ко дну
расколот ледяной скалой титаник

2008

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Мысль изреченная есть лёд».....	5
«В общей сложности всё так просто...».....	6
«Тот литературный мир...».....	7
ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИТЕЛЯХ ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ	
1. «Восьмое октября. Опять земля трясётся».....	9
2. «Преодоление искусственных препятствий...».....	10
3. «Заигрывал, опасности словно не видя, смысла не видел...».....	11
«Душа, вперяя очи во...».....	14
АРОНЗОН	15
«Украл я право жить у тех...».....	16
ВОЛШЕБНАЯ ИГРА	18
«Эта действительность не действительна».....	20
ПЕРЕХОДЫ И СОЕДИНЕНИЯ	
1. «Стареет за окном...».....	21
2. «Чей это стон раздаётся — не мой ли?».....	21
3. «Кузьмич со всех сторон и слёзы...».....	21
«Всё написанное будто на что-то похоже...».....	23
ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА	25
ВСТРЕЧА	27
ЮСУПОВСКИЙ САД	28
НА ДАЛЬНИХ ПОЕЗДАХ.....	30
«Кругом недоумения снега».....	32
«Кто там рвётся в общем хоре...».....	34
ТЮТЧЕВ	
1. «Предзакатная Европа ли...».....	36
2. «Дипмиссия: искать окольный путь...».....	37
«Куда бежать? Скажи, изгнания демон...».....	38
БЕЛЫЕ ДВОЙЧАТКИ.....	39
1968	40
ЗАБРИСКИ-ПОЙНТ.....	42
«Эпоха упадка. В таком бы...».....	43
ДК им. ГАЗА	44
ПИРРОВА ПОБЕДА	45
ПРОГУЛКА С СЫНОМ	46
«О чём скрипишь ты, старая сосна...».....	47

II

«Небо уходит из-над головы».....	51
«Душа моя! Ты вновь с опухшей мордой...».....	52
«Пускай паук меня поучит...».....	53
«Влачи, улитка, утлый домик свой!».....	54
ЛЮТЕРАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ	55
«Радостью Рождества...».....	57
«Затянулась как в этом году зима!».....	58

«С ног до головы оклеветано...»	59
«Работай, нескончаемый завод...»	60
VITA NOVA	
1.«Требуется за все монеты...»	61
2.«Неуспешные стратегии твои...»	61
«Вот уж и наша зима приблизилась к евростандарту»	62
ГОРОД-МОЗГ	63
«Не приезжайте в Англию, поэты!»	64
«Вечный двигатель версификационный...»	65
ИЛЬИЧЕВО	66
«Писать стихи, не зная сопромата...»	67
«Ельника зубчатая стена...»	68
ЛИМИТРОФЫ	69
«Великую тайну великой войны...»	71
ПОСЛЕ БУРИ	72
«Что-то сверкнуло в глаза...»	73
«От цветочной от лужайки...»	74
ИЛЬИЧЕВ	75
«Благовестие Тертуллиана...»	76
«Он их преследует повсюду...»	77
ИХӨҮС	78
БАСНЯ	79
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ	80
ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ	
1. «Не приближайся, округлив...»	82
2. «Уставясь в западную овиду...»	82
3. «Зачем на Запад? Лучше на Восток...»	83
ЭКСКУРСИЯ	84
«То ли чайник закипает на кухне...»	86
«Опавшие листья лежат на бесплодной земле»	87
ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ	
1. ВМЕСТО ЭПИГРАФА	88
2. VOX POPULI	88
3. VICE VERSA	89
4. К СОГРАЖДАНАМ	89
5. ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ	90
6. ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ СТРАШИЛКА	90
КИНОХРОНИКА	91
«выхаживал незнамо что то есть...»	93
ИНФОРМАЦИЯ	95
БЕЗ ВСЯКИХ ЗАТЕЙ	94
«Держатся стаей собаки бродячие»	96
«На болоте Ламмин-Суо»	97
БОЛОТНАЯ СТАНЦИЯ	98
«Лес после бури»	99

III

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ	103
1. «В начале было Слово... Так язык...»	
2. «Как всё вокруг бело и пусто...»	

ФАНТАЗИЯ	104
1905	105
ПОСЛЕДНЯЯ БИФУРКАЦИЯ	106
ПЕТАРДЫ	108
«Канонизировать Ивана-дурака...»	109
«Ну, и как же Тебе Твоя новая, Господи, паства?»	110
АРХИТЕКТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ	111
АНТИГЛОБАЛИСТСКОЕ	112
GEORGIA	116
СОВРЕМЕННЫЕ ВИРШИ В МАНЕРЕ АНГЕЛУСА СИЛЕЗИУСА	
НЕБЕСНЫЙ КОМПЬЮТЕР	117
О РАЗУМЕ БОЖЕСТВЕННОМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ	117
О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ	117
ГНОСТИЧЕСКОЕ	117
О МОНОПОЛИИ НА ИСТИНУ	117
СТАРАЯ МЕТАФОРА	117
О ФАРИСЕЙСТВЕ	117
ПРОЩАНИЕ С КНИГОЙ	118
ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО	
1. «Молчанье долгое взыскует оправданий»	121
2. «Исповедальня в конверте»	121
3. «Хохот надмирный сосватав...»	121
4. «Проигрывать всё подчистую...»	122
5. «Скучно сытому Антоше»	122
6. «Где жизнь, а где литература...»	123
7. «Где же исправления, пометки?»	123
8. «Потом потомки смутнолицые...»	124
9 «Ну, вот и дописались. Доплясались...»	124
ИЗ ПУСТОТЫ ВОЗВВАХ	125
ХОРОШЕЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	126
«Скоро треснет скорлупа Петербурга»	127
«Членовредительствует Город-призывник»	128
«Пушкин – русский человек...»	129
«Над времени иссохшим руслом»	130
«Долго слушали мы золотые слова»	131
НАШ СИМВОЛ	132
КОНЕЦ ЮДОЦЕНТРИЗМА	133
МЫ	136
НАРЕКАЦИ	
«Всё, что я сказать хочу...»	137
«конец истории пора ей ставить памятник...»	138
AN DIE FREUDE	139
МЕТАЗОЙ	141
ПРОАНТРОП	142
«Ущербность шелкопёрства...»	143
РЕЧНЫЕ ЗАВОДИ	144
«Неблагозвучны вы, песни мои»	146
ГЕОРГ ГЕЙМ	147

